

Мост над Огненной рекой

Автор:

Елизавета Дворецкая

Мост над Огненной рекой

Елизавета Алексеевна Дворецкая

Огнедева #4

Четыре года молодой плесковский князь Вольга пытался забыть Дивляну, которую отняли у него, чтобы выдать замуж за киевского князя Аскольда, оставив на память лишь золотой перстенок. И когда варяжский вождь Одд по прозвищу Хельги предложил ему совместный поход на Киев, Вольга согласился, думая только о своей Огнедеве. Но ведь прошло четыре года. Похищенная невеста не ждала его, спящая в хрустальном гробу, она жила, создавала свою семью, у нее появлялись дети... И рада ли она будет вновь увидеть прежнего жениха? Ржавеет ли старая любовь?

Но не только старая любовь вновь ищет Дивляну, но и старая вражда. Четыре года колдунья Незвана искала способы погубить прежнюю соперницу: добилась того, что муж разлюбил Дивляну и сам отдал, вместе с маленькой дочерью, в заложники своим врагам – древлянским князьям. И кажется, уже нет ей спасения, нет иного пути, кроме как в темные воды Ужа, где ждет ее сам повелитель священной реки древлян...

Елизавета Дворецкая

Мост над Огненной рекой

© Е. Дворецкая, 2014

Предисловие

Перед вами, читатель, очередная книга цикла «Огнедева». Заканчивается IX век, и хотя Северная Русь и Южная еще не стали единым государством – до этого не так уж близко, – между ними установились довольно прочные связи. Но то, что хорошо для всех, порой слишком дорого обходится отдельным людям. Четыре года молодой плесковский князь Вольга пытался забыть Дивляну, которую отняли у него, чтобы выдать замуж за киевского князя Аскольда, и от которой остался на память лишь золотой перстенок. И когда варяжский вождь Одд по прозвищу Хельги предложил ему совместный поход на Киев, Вольга согласился, думая только о своей Огнедеве. Но ведь прошло несколько лет. Отнятая невеста не ждала его, лежа спящей в хрустальном гробу, она жила, создавала свою семью, у нее появлялись дети... И рада ли она будет вновь увидеть прежнего жениха? Ржавеет ли старая любовь?

Я не случайно вспомнила сказку о мертвой царевне. В нашем сознании древние эпохи зачастую настолько перемешаны со сказками и былинами, что королевич Елисей, князь Святослав и Илья Муромец кажутся жителями одного и того же мира. Нередко в исторических романах соединяются реализм и фантастика, а читатель в затруднении, как их воспринимать. Однажды мне даже задали вопрос: «А на сколько процентов должны быть вовлечены в историю Руси лешие и кикиморы, чтобы книга перешла в разряд фэнтези? Или переход происходит сразу, как только автор написал: «Во время поездки по лесу перед князем проскочил зверек, похожий на зайца, но опытный взгляд охотника сразу определил в нем лешего. Князь понял: недобрый знак – и не поехал с дружиной на битву, которая состоялась на Куликовом поле»?

Не думаю, что есть точные критерии того, сколько процентов фантастики делают книгу фантастической. Я для себя определяю так:

1) Если суть книги составляют исторические события и исторические процессы, несколько подкрашенные фантастикой для красоты, то это исторический роман.

2) Если сюжет скорее мифологический (фантастический), но действие происходит в нашем мире в давно минувшие века, то это – историческая фантастика.

3) А если и мир вымышленный, то просто фэнтези.

Роман «Огнедева. Чары колдуньи», как и весь цикл, относится к первому разряду. Главное в нем – ход исторического процесса, первые шаги в образовании Древнерусского государства, показанные через судьбы людей. Однако же вы обратите внимание: фантастического элемента в нем столько, что цикл мог бы быть отнесен к фантастике. Главным образом фантастика представлена тем явлением, которое обычно называют шаманизмом. Я понимаю, что «шаманизм Древней Руси» для многих звучит парадоксально. А между тем – почему нет? Если мы сравним основные положения шаманизма с содержанием волшебных русских сказок (того же Афанасьева), то найдем огромное количество общего. Основные признаки шаманизма, известные многим народам, следующие:

– вера в духов, которые могут вступать в контакт с людьми, помогать или вредить им;

– представление о многоуровневом строении Вселенной, включающем так называемую третью реальность – единый мир богов и духов, куда может попасть шаман, достигший измененного состояния сознания.

Причем для попадания туда вовсе не обязательно бить в бубен, падать без чувств или применять какие-либо наркотические средства – детали, которыми оформлено духовное путешествие, зависят от индивидуальных особенностей шамана и традиций его культуры.

Прямых указаний на экстатические практики у славян не имеется. В «Слове о полку Игореве», правда, есть намеки на то, что вещий Боян совершал путешествие по «мысленну древу», принимая облик волка, белки и орла, но доказать, что имелось в виду именно шаманское путешествие, здесь нелегко. В то же время в русском фольклоре очень широко известен сюжет о неких духах или чертях (кстати, «черт» – языческое понятие, поэтому книжники раннего Средневековья этого слова избегали), которые находились в услужении у колдуна. Если же мы возьмем волшебные сказки, то найдем там духовное

путешествие в иные миры почти в чистом виде: герой при помощи духа-помощника (серого волка или коня) переносится в волшебные царства, в небесные или подземные миры, выполняет там свои задачи и возвращается домой. В волшебном царстве (которое нередко располагается глубоко под землей) он встречает неких существ, борется с ними, одолевает и заставляет служить себе. «Не стреляй в меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь». Перед нами – описание шаманского путешествия в иную реальность и взаимодействия с населяющими ее духами. Возможно, первые поколения рассказчиков знали о том, что это описание духовного путешествия, предпринимаемого в каких-то ритуальных или магических целях, но по мере разложения традиции сюжет стал восприниматься в физическом, то есть небывалом, сказочном смысле.

Или такой, например, факт. У сибирских народов было понятие «тын бура», которым обозначалось ездовое животное шамана – конь, из чьей шкуры сделан бубен, переносящий шамана в иной мир (и еще несколько аспектов того же плана). Сразу вспоминается волшебный конь русских сказок – Сивка-Бурка Вещая Каурка. Сивый – знак принадлежности к иному миру, вещей – понятно. Вещего Сивку дарит герою сказки его умерший отец, три ночи подряд выходящий из могилы. Сам конь имеет явно волшебный облик: «из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом». Прежде чем ехать на нем добывать руку царевны, герой убивает простую «кобыленку», на которой отправился из дома, снимает с нее шкуру и вешает на поскотину (ограду выгона). И так все три раза, старшие братья даже ругаются, что он всю скотину дома повывел. Зачем убивать бедных «кобыленок», почему не отпустить пастись, коли не нужны? Сказка не знает ответа, но она твердо запомнила схему: прежде чем ехать на волшебном коне, надо убить обычного и снять с него шкуру. Иначе ничего не выйдет. Сказка просто «потеряла» промежуточный этап – натягивание снятой шкуры на бубен, при посредстве которого и вызывается конь-дух, чудесный помощник. Но общая схема сохранилась. Едва ли возможны такие детальные совпадения – и по сути, и по названию (хотя общих слов в русском и алтайских языках быть не должно, они не родственные). Скорее всего, и древнерусские волхвы имели богатые навыки общения с духами и хождения в иные миры, действуя примерно по той же схеме, что и сибирские шаманы. А значит, и это тоже – часть духовной культуры наших далеких предков.

Вот только в волшебстве ли дело? Ведь свой жизненный выбор мы делаем в реальном мире. Здесь нам приходится выбирать между влечением сердца и требованием долга, между обидой и любовью, между прошлым и будущим. И не важно, в каком веке мы живем...

Пролог

890 год, поздняя осень

Она очнулась посреди холодного осеннего леса – в такой глуши, где даже не верилось, что этому лесу будет конец. Не открывая глаз, она ощутила пронзительный дух палой листвы, холод влажной земли... запах зверя. Она лежала на ковре из мха и листьев, а рядом устроились три волка, плотно прижавшись к ней косматыми боками и укрывая ноги, чтобы не замерзла.

Незвана медленно села, в недоумении оглядываясь и пытаясь понять, где она, на каком свете. Потрясенные ее движением волки подняли головы и вопросительно посмотрели на нее умными желтыми глазами. Распущенные темные волосы, давно не чесанные, со свалывшимися тонкими косичками, покрыли ее всю, но она отвела прохладные, немного влажные пряди от лица и скользнула взглядом по сторонам. Бурые стволы, прозрачные капли осеннего дождя на полуоблетевших ветвях, на зеленой по-летнему хвое молодых елочек, среди которых она делила волчью лежку с хозяевами, на ее собственной накидке из волчьей шкуры мехом наружу – как и положено волхве.

Она не сразу сумела прийти в себя по-настоящему. Путь Незваны от берегов Забыть-реки был очень долг, и она много раз просыпалась в новом месте, сбрасывала оковы предыдущего сна, чтобы убедиться, что вокруг нее тоже сон. Но теперь она находилась в Яви. И очень хорошо знала, что нужно делать. Идти в Деревлянь. Там живут люди, у которых с ней общие враги и которые дадут ей недостающих для борьбы сил.

Богиня Марена пришла в Коростень в последние дни месяца грудня – когда земля подмерзает, ложится первое, еще тонкое снежное одеяло и земной мир встречает и чувствует хозяйку зимы. Деревляне, как и прочие племена, отмечали Дни Марены, но никто не ждал, что Зимняя Волчица придет к ним въявь. Она приплыла по реке Уже со стороны Тетерева в небольшой долбленке, где только и помещались она сама, кудес, обернутый в мешковину, да короб.

Оставив челнок у воды, она шла по каменистой тропе к Святой горе, неся короб и кудес за плечами, и народ сбегался со всех сторон поглядеть на нее, но никто не смел подойти близко. Стояла тишина – люди смотрели, затаив дыхание, и только холодный осенний ветер гудел, приветствуя ее, бросал холодные ледяные крупинки, будто жемчугом одаривал, и те оставались в ее распущенных темных волосах.

Богиня явилась в облике молодой женщины, как и положено в начале зимы, – довольно рослой, крепкой, стройной. На бледном лице выделялись густые черные брови и яркие алые губы, а встречаться с ней глазами никто не решался – если она окидывала толпу равнодушным взглядом, люди в ужасе закрывали лица руками и даже садились на землю. На ней была волчья накидка мехом наружу, на поясе висели костяные и железные фигурки – вместилища духов, маленькие чурь, и несколько костяных палочек с грубо вырезанными лицами покачивалось на концах ее тонких косичек. На шее виднелось ожерелье из птичьих черепов. На каждом шагу все это позвякивало, погромыхивало, так что звук приближения Марены разносился между избами, будто поступь самой судьбы. Никто не знал, зачем она пришла, никто не решался спросить, но все стояли оглушенные ужасом: страшная гостья несла с собой предвестья неминуемых и неведомых бед.

Деревлянские волхвы и жрецы в этот день собрались на Кренице, еще называемой Святой, – самой высокой и неприступной из коростеньских гор. Гранитные кручи над Ужей издавна были заселены – сперва дулебами, потом деревлянами, их внуками, а в незапамятные времена и вовсе какими-то неведомыми народами, от которых на Кренице остались черепки грубо вылепленных горшков. Святилище находилось здесь всегда, будто самими богами устроенное при создании мира, – окруженное двумя валами, на которых в велики-дни раскладывались очистительные огни, с просторными обчинами, где могли поместиться за длинными столами старейшины племени деревлян. Отсюда открывался широкий вид – на Ужу, серую под серым небом, на остатки желтой листвы на ветвях, на розовато-серые холодные камни, валуны, выступающие из земли и воды на всем берегу, усеявшие ложе реки так густо, что по ней едва могли проходить лодьи.

Сейчас служители богов собрались для того, чтобы чествовать Марену в дни ее прихода. Изображать богиню должна была молодая волхва по имени Лебедина – рыжеволосая, одетая во все белое, с зачерненным сажей лицом. Но даже они не знали, что богиня явится в другом облике.

И когда она появилась в воротах святилища, между двумя резными столбами-чурами, – в волчьей накидке, с косичками в распущенных волосах – дорожками духов, – вздрогнули даже волхвы – такой силой от нее веяло. Деревлянские служители богов очень хорошо знали друг друга, и каждый видел, что эта женщина пришла издалека.

– Кто ты и из какого мира? – шагнув вперед, старший из жрецов, Далибож, отец Лебедины, первым задал ей тот вопрос, который пришел в голову всем, – вопрос, который каждый из волхвов задает духам, встреченным в Навьем мире. Это получилось само собой – гостя гораздо больше напоминала порождение Нави, чем создание из мира живых.

Она ответила не сразу, а сначала окинула их оценивающим взглядом – Далибожа, старую бабу Мару, травницу Творяну, кудесника Чадомила, Волота и Держигора, Лебедину в обрядовом наряде – все в лучших уборах, надетых в честь прихода Марены, но слишком растерянные и явно не готовые к тому, что она действительно придет!

На миг повисло молчание – страшный и тревожный для всякого волхва миг. Если дух не хочет отвечать – значит, он враждебен и предстоит схватка, которая может окончиться гибелью любого из соперников.

Но все же гостя ответила.

– Я родилась от женщины, и эта женщина передала мне кровь князей и мудрость волхвов, – сказала она низким невыразительным голосом, и взгляд ее серых, как железо, глаз был мрачен, но спокоен.

– Откуда ты пришла?

– Из-за лесов дремучих, из-за болот зыбучих, из-за рек огненных. Прислала меня Мать Мертвых и Велес, отец мой.

– Как твое имя?

– Незвана, – с гордостью ответила она, и волхвы невольно переглянулись.

Она носила одно из имен самой Марены – той, что всегда приходит незваной. Но в то же время Далибож вспомнил, что уже слышал о женщине с таким именем, считавшейся дочерью Велеса.

– Твоя мать – Безвида? – уточнил он.

– Да, это так.

– А к нам зачем? – спросила старая волхва, которая сама носила имя Мара, – с тех пор, как приняла на себя обязанность провожать умерших к Хозяйке Навей и ушла жить в лес, за грань человеческого мира, не взяв с собой даже прежнего человеческого имени. Весь вид ее выражал уж никак не радость и гостеприимство. Волхвы, чувствительные к колебаниям Лада Всемирья, уже слышали в завывании ветра дурные предвестья.

– Мать Мертвых к деревьям благосклонна – сожнет врагов их серебряным серпом, обмолотит костяным цепом, в прах перетрет жерновами каменными. Я принесла деревьям и князьям их благословение Темной Матери, а врагам их – погибель.

– Это какие же враги?

– Князья полянские. Или вы не ведаете, что нынешней осенью киевский князь Аскольд в жены взял деву из ильмерских словен и против вас с ними докончание утвердил? Погубят вас поляне, и никто не спасет, кроме Темной Матери. Я принесла вам силу ее – песнь Мары звучит во мне! Величайте же Черную Мать! – вдруг возвысив голос, требовательно воскликнула она и прижала кулак к груди, и все волхвы сделали то же самое, чувствуя хозяйку Нижнего мира.

И вскоре с вершины Святой горы полетели звуки кудеса, разносясь над рекой, проникая в каждое из жилищ, разбросанных по вершинам и подножиям Коростеньских гор, – низкие, гулкие, незнакомые звуки нового кудеса, никогда еще не певшего здесь. Деревлянские волхвы стали в круг, а в середине плясала и била колотушкой в свой кудес пришелица, вращаясь и выкрикивая хвалы Темной Матери – Маре.

Народ постепенно собирался, одолевая страх, толпился на свободном пространстве внутри вала, не сводя глаз с пляшущей фигуры: одетая в волчью

шкуру, в облаке темных волос, неистово скачущая, бьющая в кудес, по-звериному поющая, она сама была живым воплощением богини смерти. Ее пляска, ее пение, голос ее кудеса стучали в незримые ворота Иного Мира, пробивая проход, через который войдет Кошная Мать, чтобы назначенный срок властвовать над земным миром. Глядеть на нее жутко было всем – и волхвам, и народу, и князю Мстиславу, стоявшему в первых рядах толпы со всей семьей: женой, двумя сыновьями, невесткой и маленьким внуком, которого мать держала на руках. Трехлетний мальчик прятал лицо и плакал от страха. В чертах самого Мстислава, крупного мужчины с широкой полуседой бородой, отражалось колебание. Он тоже испытывал страх перед воплощением Темной Матери, но уже знал, что она обещает ему помощь в самом важном деле его жизни – борьбе с полянскими князьями. Сейчас, когда наступали Марины дни, не принять ее служительницу было никак нельзя, несмотря на всеобщий страх и ожидание бед.

Звучал кудес, кружилась в пляске Марена, пока не упала наземь, словно бездыханная, – но круг волхвов продолжал движение, поддерживая ее вырвавшийся из тела дух, чтобы он мог исполнить назначенное и вернуться. Годовое Коло вращается и временами отдает земной мир под власть Марены – здесь ничего нельзя изменить.

Вслед за Незваной вдруг упала и бабка Мара – упала и замерла. И только потом, когда радения кончились, ее подняли и обнаружили, что она не дышит, – дух так и не вернулся в тело, навек оставшись во владениях Кошной Матери...

Глава 1

Киев, полянская земля, 894 год, весна

Князь Аскольд стоял на уступе крутой тропы, ведущей с вершины Горы к Подолу, и смотрел на приближающиеся лодьи. Рослый, в красном плаще, в шапке, отороченной куницей и покрытой византийским самитом с золотым шитьем, он ждал, сложив руки на груди, но так, чтобы дорогой франкский меч, отцовское наследство, был хорошо виден. Позади него теснилась дружина. В первых рядах выстроились нарочитые мужи – иные из знатных полянских

родов, иные с козарской, варяжской либо саварской кровью в жилах. Тем же разнообразием отличались и кмети, расположившиеся еще дальше, – как и его отец, князь Аскольд держал при себе постоянную дружину, хоть и небольшую, но не знающую иной семьи и преданную только ему: кмети считались младшими членами его рода и потому носили звание детских. Здесь были русобородые поляне, иные из которых носили усы и длинный клочок волос на макушке выбритой головы по примеру козар и саваров, сами козары в суконных кафтанах и с саблями у пояса. Варягов не было: старые хирдманы князя Дира давно покинули земной мир, а их потомки, родившиеся от полянских женщин, обликом и речью почти не отличались от прочих местных уроженцев. Даже язык своих северных предков Аскольд знал гораздо хуже, чем его третья жена, княгиня Дивомила, выросшая на берегу Варяжского моря, – ему было не с кем здесь на нем разговаривать. Варяги, иногда добравшиеся сюда по торговым делам, как правило, говорили по-словенски, из-за чего в более дальних западных землях, у чехов и ляхов, их тоже считали словенами и плохо понимали разницу между собственно словенами и русью.

Сегодня он вышел на берег, получив весть о прибытии деревянского обоза. Через Днепр, а значит, через Киев деревянные сбывали на юг и восток свои товары и поэтому были вынуждены поддерживать с полянами хоть какое-то подобие мира. В прежние годы они не раз пытались захватить выгодное место, и порой им это удавалось. Более тридцати лет назад деревянский князь Володимир Бориполкович захватил Киев и перебил всю дружину князя Святослава с ним самим во главе. Но так случилось, что именно в это время из-за Греческого моря вернулся северный вождь Ульв по прозвищу Зверь, то есть Дир на северном языке[1 - От древнескандинавского слова «dyr» – «зверь», возможно, прозвища, которое могло быть славянами воспринято как имя.]. Зная, что за время этого похода его сородичи-свеи были изгнаны из Ладоги восставшими словенами, и понимая, что возвращаться ему некуда, он заключил союз с полянами и при их поддержке одолел Володимера деревянского. Старшая дочь Святослава, Елинь, в то время уже была замужем и имела детей, но младшая, Придислава, оставалась в девушках. Ульв Дир взял ее в жены, и вече, которое собрали оставшиеся в живых поляне, признало его своим князем. С тех пор он, опираясь сначала на свою заморскую дружину, а потом на окрепших полян, вполне успешно оборонял днепровские кручи от посягательств, потому и сумел прокняжить полтора десятилетия и передать власть сыну. Но и деревянные не забыли тогдашнего поражения, и нынешний князь Мстислав Володимирович не терял надежды сделать то, что не удалось его отцу.

Напряженный взгляд Аскольда, скользя по приближающимся лодьям, довольно скоро нашел крепкого молодого парня – не выше среднего роста, но плечистого, из-за чего он даже казался слишком широким, с круглой головой, крупными грубоватыми чертами лица, благодаря чему выглядел старше своих восемнадцати лет. Княжич Борислав Мстиславич был некрасив, но сила и твердость, даже норов, отражавшийся во всем его облике и в выражении лица, заставляли с ним считаться. Цветные греческие шелка и прочую дребедень он презирал, носил простую, зачастую некрашеную потрепанную одежду, мало чем отличавшуюся от рубахи и портов любого отрока, и только на пиры и жертвоприношения будто через силу одевался так, как пристало наследнику княжеского рода. Вот и сейчас князь Аскольд не распознал бы княжича среди прочих гребцов, налегавших на весла, если бы не знал его в лицо. Но уж это лицо он знал очень хорошо! Не было для него на свете человека более ненавистного, чем тот, кто, не скрываясь, собирался сделаться его наследником!

Лодьи подходили к берегу, приставали вдоль длинной полосы, выискивая себе свободное место среди стоявших тут лодей и долбленок, – сейчас, весной, торговля оживилась и киевский Подол ежедневно был заполнен народом, суденышками и разнообразными товарами. В теплую пору года торговые гости раскидывали здесь шатры, ставили шалаши, иные копали землянки, которые зимой оставались необитаемы. Но уже было тут и несколько прочных строений: кузница, гостиные двory для наиболее богатых купцов, в основном козар. В прошлом году ладожский воевода Велем, родной брат княгини Дивомилы, выстроил большой дом навроде тех, что стояли в Ладоге, и при нем клеть для товаров. За крышами и навесами уже было не видно самого берега: прежде пустая отмель, Подол в разгар лета становился похож на целое поселение под киевскими горами. На Варяжском море такое торговое поселение, без укреплений, оживленное по большей части летом, называли словом «вик».

Жители и пришлый торговый люд сбежался поглядеть на приезжих, над Подолом висел гул, раздавались выкрики. И выкрики эти были не слишком дружелюбными – от княжьей дружины все знали, что случилось зимой и почему князь снова сердит на деревлян. Их здесь не любили даже сильнее, чем на севере варягов. С заморскими пришельцами волховские словены то ссорились, то мирились, но поляне и деревляне, происходя от общего корня и проживая в непосредственной близости, обречены были на борьбу до тех пор, пока одно племя окончательно не одолеет и не поглотит другое.

Позади Аскольда стоял киевский воевода Хорт Катилевич, рослый, крепкий мужчина лет сорока, с рыжевато-русыми, уже подернутыми сединой волосами, с морщинистым лицом, исеченным степными ветрами. На левой руке у него не хватало трех пальцев. Рода он был незнатного: отец его, Катило, иначе Кетиль Одноглазый, пришел в Киев в русской дружине князя Дира, а мать была никому не ведомой пленницей. С малолетства он рос при дружине и постепенно выдвинулся благодаря решительности, отваге и опыту, так что сейчас числился среди вождей старшей дружины. О происхождении его напоминал только варяжский оберег в виде маленького бронзового молоточка, который он носил на поясе. Человек дельный, расторопный и толковый, он по первому слову князя разослал свою челядь по дворам и теперь, оглядываясь, отмечал, как собираются со всех сторон киевские мужики – кто с топором, кто с копьем и луком. Постоянная княжья дружина была невелика, но ополчение Киева могло дать еще сотню воев. Также и прибывающие торговые гости были по договору обязаны, в обмен на право торговли, вливаться в княжью дружину, если во время их пребывания в Киеве возникнет такая нужда.

Деревлянская дружина насчитывала человек сорок, не считая гребцов. Князь Аскольд нарочно не подходил к берегу ближе: во-первых, велика честь для младшего Мстиславича, а во-вторых, гораздо удобнее отрезать того от воды, от людей и товаров, а уж потом начинать разговор. О чем будет этот разговор, Аскольд хорошо знал. Какова наглость! После зимних событий он и не ждал, что деревляне посмеют явиться со своими товарами в Киев. Торговый обоз отправлялся в Царьград в конце березня – в начале травня, чтобы через месяц, к началу кресеня, быть уже на месте. По договору деревляне имели право к нему присоединиться, но в этом году Аскольд не велел их ждать, и обоз, составленный из купцов полянских, саварских и радимичских земель, ушел уже дней десять назад. А эти все-таки явились, хоть и припозднились! Видно, столько награбили, что не вдруг и довезешь! Аскольд кипел от негодования, но на его лице это почти не отражалось, разве что взгляд серых, глубоко посаженных глаз из-под лохматых рыжевато-золотистых бровей стал еще более угрюмым, а руки, крупные, загрубелые, корявые, как у мужика, привыкшего валить деревья и расчищать пал, невольно сжимались в кулаки. Но теперь он за все с ними посчитается. Волчонок сам пришел к нему в руки. То ли от глупости Мстислав послал младшего сына с такой маленькой дружиной, то ли от самодовольства – не ждал, что киевский князь посмеет защитить свои права!

Деревляне тем временем высадились на берег, тянули на песок тяжелые лоды, нагруженные мешками и бочками, прыгивали в воду, толкали. Киевляне не помогали им, а только смотрели, не подходя близко. Княжич Борислав тянул

и толкал наравне с прочими, потом взял с кормы свернутый плащ-вотолу – из толстой темной шерсти, некрашенный, будто у обычного ратника, – но даже не надел, а положил на плечо и пошел вверх по тропе, туда, где приметил шитую золотом шапку и ярко-красный, пламенеющий на ветру плащ киевского князя Аскольда.

Княжич Борислав вез продавать как дань, собранную его отцом с подвластных земель, так и товары, выделенные для продажи деревлянскими родами – наиболее знатными и состоятельными. Многие из старейшин сами зимой скупали охотничью добычу в своих волостях и таким образом собирали многие сотни шкур – куньи, бобровые, лисьи, волчьи, медвежьи. Шкурки вевериц считались сороками[2 - Сорок или сорочок – единица счета мехов, то есть сорок шкурок, своеобразная денежная единица. Известно также «полсорочка».] – этого добра в лесах было завались. Обменивая их на киевских, а то и на греческих торгах, многие скопили немалые богатства, и почти все деревлянские старейшины, сопровождавшие княжича Борислава, были одеты гораздо лучше его. Выйдя из лодей, они натянули козарские кафтаны, отделанные полосами цветного шелка, перепоясались кожаными ремнями с серебряными бляшками. Странно было видеть, что во главе этого сорища почтенных, зрелых мужей с длинными бородами и в дорогих куньих шапках идет молодой парень в короткой рубахе, одетый не просто скромно, а бедно. Борислав рубаху с дороги переменить и не подумал, в чем Аскольд увидел одно неуважение к хозяину, то есть к себе.

– Здоров будь, князь Аскольд! – Приблизившись на несколько шагов, Борислав размашисто поклонился. Поклон был достаточно низкий, чтобы гостя нельзя было упрекнуть в невежестве, но Аскольд увидел в этом издевку. – Вот и мы к вам! Спасибо, что встретил, не погнушался! Что-то на Подоле людей да лодей мало – неужели ушли ваши торговые? Неужели нас не дождались?

– Да уж никак я не думал, что ваши гости к нам пожалуют! – холодно обронил Аскольд.

Не ответив на приветствие, он не сделал ни шагу к Бориславу, не протянул руки, не улыбнулся хотя бы для вида. Деревляне насторожились, стали бросать тревожные взгляды на воеводу Хорта, на строй киевлян, смыкавшийся вокруг них. Топоры пока еще оставались за поясами, но вид у местных был неприветливый и даже угрожающий.

– Не думал? – Борислав, тоже все это заметив, ничем не выдал, что встревожен, и с прежней самоуверенностью упер руки в бока. Стоя в нижней части крутой тропы, он был вынужден смотреть на Аскольда снизу вверх, но даже задранная его голова выражала вызов. – Что же так? Или нет у нас докончания, что ваши и наши торговцы вместе на Греческое море ходят? Или мы не родичи с тобой, княже? Как невеста моя, а твоя сестра Ведислава Дировна, здорова ли?

– Чудно мне твои речи слышать, Мстиславич! Докончание? Родство? О докончании или родстве вы думали, когда зимой с моей земли дань собирали?

– Мы с твоей земли дань собирали? – в изумлении повторил Борислав. – Это где же такое было?

– На верховьях Рупины-реки! [З - Рупина – старинное название реки Ирпень.] Или не вы, скажешь, с волостей Глушины, Убынега, Хмары, Большака собрали дань? Мои люди были там, да только уже все куницы да веверицы к другому уплыли! Был, сказывали, деревлянский князь Мстислав с дружиною, он и взял. Вот и ответь мне: по какому праву? Или неправда, или налгали мне?

– На верховьях Рупины... – Борислав нахмурился, но тут же вспомнил. – И впрямь, были там люди батюшки моего, они и дань взяли. Да только с каких же пор это твоя земля?

– Рупина издавна полянскому племени принадлежит!

– Полянам-то принадлежат низовья ее, а в верховьях людей не было от веку. В последние года пришли туда деревлянские роды, и пришли со Здвижа! А коли люди нашего корня, то нам и дань с них брать! Так что не твоя там земля, князь Аскольд, а наша!

– Коли Рупина по моей земле течет, то кто на нее пришел – тот мне подвластен!

– Нет, княже! – упрямо и вызывающе возражал Борислав. – Куда люди деревлянского рода пришли, там деревлянская земля! Там Деревлянь Великая! Ты у них-то спрашивал, у Большака и Убынега, от кого они род ведут? Спросил бы, они бы сказали! Прадеды их на Здвиже, а то и на Тетерева давно знатны. Куда они пришли, туда и Деревлянь принесли. И нам, деревлянским князьям, с них дань брать!

– Да ты на себе свою землю носишь! – гневно крикнул Аскольд. – Может, думаешь, и здесь твоя земля, если и к хозяину ее почтения не имеешь! Так я тебя научу вежеству, а отца твоего, волка старого, враз отучу ходить разбойничать! Взять их!

Он взмахнул рукой, и тут же воевода Хорт заревел во весь голос:

– Бей Деревлянь!

Княжеские детские разом завопили и бросились на Борислава и его людей. Те немедленно схватились за топоры и попытались защититься, но их положение было слишком невыгодным. Разбросанные, растянутые, частью еще в лодьях, частью занятые переноской товара, усталые после трех дней в дороге, онемевшие от неожиданности, они мало что смогли сделать, когда кмети и простые киевляне, с готовностью поддержавшие своего князя против чужаков, набросились на них со всех сторон. В ход шло не только оружие, но и простые палки, весла – все, что попало под руку. Стоял сплошной крик, часть Подола и тропа кипели, людские водовороты бурлили, когда здесь и там кмети и киевляне целой гурьбой били одного-двух деревлян.

– Товары не трогать! Товары все мне! – запоздало кричал с кручи Аскольд, сообразив, что после избиения начнется грабеж вражьего добра и он рискует не увидеть ни одной веверицы.

И не зря: пользуясь случаем, ушлые людишки кинулись грабить лодьи, рвали мешки, выдирая друг у друга добычу; трещали и ломались кольца из ивовых прутьев, на которые шкурки нанизываются по сорочкам и полусорочкам, пушистое богатство летело в разные стороны, частью валилось в воду, частью падало под ноги толпы, маралось в лужах крови... Князь послал своих кметей и челядь, и те, едва пробившись через суматошную, вопящую толпу, кое-как оттеснили народ от деревлянских лодей. Кое-что уже оказалось потеряно, но большую часть товаров удалось спасти, в том числе бочонки меда, которые так легко не унесешь.

Не сразу, но постепенно воевода Хорт навел порядок. Уцелевших деревлян – частью старейшин, частью гребцов – согнали в кучу. Связанных, ободранных, раненых и окровавленных, их осталось не более полутора десятка. Княжича Борислава принесли и положили к ногам Аскольда. Вся голова его была залита

кровью, рваную рубаху сплошь покрывали алые пятна.

- Он жив? - Аскольд, хмурясь, слегка толкнул его голову носком черевья.

- Жив! - Воевода Хорт, нагнувшись, осмотрел княжича. - Голова пробита.

- Выживет?

- А как богам поглянется.

- Собаке собачья смерть! - кричали со всех сторон. - Вели, княже, его в Днепр метнуть! Вот будет водяному пожива! Да и других тоже, чего их держать!

- Зачем сейчас, дурные вы головы?! Оставим, на Ярилин день богам принесем! Или на Перунов! Вот будет жертва богатая, а нам дожди и год урожайный!

- Жрецов позовите! Где Судимер, пусть он скажет!

- Княгиня, княгиня! Вон она идет, матушка! Дайте ей дорогу!

На тропе и правда показалась княгиня Дивомила в сопровождении своих приближенных: княжьей сестры Ведиславы, старой воеводши Елини Святославны и еще нескольких женщин. Они бы ничего и не узнали, если бы не бойкий отрок Жихарь из Званцевой челяди, ворвавшийся во двор с криком: «Княгиня, там деревлян убивают!» Едва он в трех словах пересказал окружившим его женщинам события на Подоле, как Ведица первой с криком кинулась со двора, Дивляна и Елинь Святославна – за ней. Вряд ли они смогли бы угнаться за быстроногой, донельзя взволнованной девушкой, но перед местом побоища собралась такая густая толпа, что ни крик, ни толчки, ни природная ловкость не помогали Ведице продвинуться вперед, пока не подросла Дивляна. Перед княгиней народ расступился, и они наконец пробились к Аскольду и его поверженному противнику.

Увидев лежащего на земле Борислава, окровавленного, в изодранной, запыленной, покрытой темными пятнами крови одежде, неподвижного, Ведица приняла его за мертвого. Кинувшись к нему, она опустилась на колени и начала вопить, причитать и теревить его; от такого обращения княжич немного пришел

в себя и глухо простонал. Ведица вскрикнула и в ужасе отпрянула: решила, что мертвец шевелится.

– Да он жив! – сообразила Елинь Святославна. – Слава Макоши! Пусти-ка! Что ты его теребишь, будто льняную копну, – сколько духа в нем осталось, вон выгонишь!

Отстранив девушку, она сама осмотрела Борислава. Побледневшая от волнения Дивляна тем временем обернулась к мужу.

– Княже! Что здесь происходит? – в изумлении и беспокойстве спросила она. – Я услышала, что-де на Подоле деревлян убивают, и едва ушам поверила. Но мне и на ум не пришло, что убивают по твоему приказу! Думала, торговые причал не поделили или мытом обсчитались, а ты сам здесь! Что это ты задумал, батюшка?

Раньше она никогда не вмешивалась в дела мужа, но отчаяние Ведицы побудило ее нарушить обычай. К тому же она и сама давно подозревала, что князь зачастую делает совсем не то, что надо.

– Ступай-ка ты домой, матушка! – ответил ей воевода Хорт. – Не в твоём положении по пристаням бегать!

– Как мне твой совет понадобится, воевода, я попрошу! – отчеканила Дивляна, окинув его холодным взглядом, и ее серо-голубые глаза сейчас напоминали две льдинки. – А я хочу от моего мужа услышать, почему он такой прием устроил своему будущему зятю! Или ты, княже, решил земле-матушке вместо обряда зародного жертву кровавую принести, человечью?

При этих словах народ вокруг загудел. Аскольд, собиравшийся ответить ей что-то резкое, запнулся. Теперь не только его жена, но все эти люди, на которых он только что опирался, хотели знать, зачем он это сделал и не вызовет ли его поступок гнева богов. Все сразу вспомнили о завтрашнем торжестве и о жертвах, которые положено приносить готовящейся вынашивать новый урожай земле.

– Не годится в такие дни враждовать, – поддержала ее воеводша Елинь. – Земле-матушке пролитие крови не угодно. Если огневаается, то худой урожай соберем

по осени.

Народ загудел громче и тревожнее. Зазвучали голоса с призывами посоветоваться с волхвами и искупить вину перед землей, пока не поздно.

– Князь деревлянский Мстислав первым нарушил мир! – ответил Аскольд, гневно глядя на Дивляну. Его раздражало и злило то, что жена явилась сюда да еще требует ответа, но этого же ответа ждали все вокруг, и он не мог отказать. – Его люди забрали дань, которая по праву принадлежит мне, и моя дружина об этом знает! Я счел это знаком вражды и нарушения мира! наших dokonчаний больше нет! И я не собираюсь, – он опустил взгляд к Ведице, которая так и сидела на земле рядом с распростертым телом Борислава, – принимать в родню этих разбойников! Я разрываю обручение! А теперь встань и иди домой! – велел князь сестре. – Он тебе больше не жених, и нечего тебе выть над ним!

Но, услышав эти слова, Ведица заголосила во всю мочь. Аскольд бросил угрюмый взгляд на Хорта; воевода попытался поднять девушку, но она стала сопротивляться с такой силой и отчаянием, что тот отступил.

– Сокол мой ясный, цветок мой лазоревый! – вопила Ведица. Снова бросившись на колени, она обняла голову Борислава, прижав ее к груди и погрузив пальцы в его запыленные, перепутанные, липкие от крови волосы. – Как не ясен день без красна солнышка, так мне нет веселья-радости без тебя, суженый мой ненаглядный! Как темно ночью без света месяца, так темно на сердце моем без тебя! Что же ты не встанешь на резвы ноженьки, не откроешь ясны очи, не скажешь мне слово приветное!

– Что ты причитаешь, как по покойнику! – рявкнул Аскольд.

Схватив непослушную сестру за руку, он попытался поднять ее, но она не желала вставать, снова падала, и князь выпустил ее, понимая, что выглядит глупо, сражаясь с девкой на глазах у всего народа.

– Да похоже, что он и есть покойник! – Дивляна подошла ближе. Поймав беглый взгляд Елини Святославны, она поняла, как обстоит дело, и уперла руки в бока. – Радуйся, свет мой князюшка! Нету больше сокола деревлянского, добра молодца Мстиславича! Пролил ты кровь его, да не в Перунов день, не в чистом поле, не в

сече яростной! Пролил ты кровь его не в урочный час, на Вешнее Макошье, в день земли-матушки!

Народ гудел с все возрастающим недовольством и тревогой.

– Поделом ему! – с презрением и вызовом бросил Аскольд. – Мало того, что деревляне мои земли ограбили! Они и сюда явились как ни в чем не бывало! Будут знать, что со мной такие дела не проходят!

Но Дивляна видела, что у него тревожно забегали глаза.

– Месяц ты мой светлый, что так рано закатился! – причитала снизу Ведица. – Погубили тебя, сокола ясного, злые люди! Останусь я теперь вековухой горькою, как кукушка на сухом дереве, не вить нам гнездышка, не водить малых детушек!

– Может, он жив еще! – утешила их Елинь Святославна. – Ты не спеши его на Тот Свет отправлять, княже. Может, он нам живой больше пригодится.

– Да конечно, жив! – подтвердил воевода Хорт. – Правда, оно как повернется... теперь жив, а потом гляди и...

– Никакого «гляди» не будет! – отрезала Дивляна. – Я заберу Мстиславича к себе. Мы его вылечим. И это очень пригодится тебе, княже, когда придется вести переговоры с его отцом! К тому же я не могу допустить, чтобы земля была оскорблена в день своего торжества пролитием крови и беззаконным убийством!

– Куда это ты его заберешь? – возмутился Аскольд. – Его поместят со всеми пленными. Ничего другого он не заслуживает!

– Он может умереть, если еще не умер! – Дивляна бросила взгляд на неподвижное тело, выглядевшее весьма жалко. – Князь Мстислав обвинит тебя в убийстве гостя, возмутит против нас все окрестные земли! Дорогомысл уличский так и не простил тебе, что ты не уберег двух его дочерей, – и ты хочешь, чтобы он заключил с Деревлянью союз против нас? Ты просто не оставляешь им другого выхода!

– Я всем расскажу, как все было на самом деле! Все будут знать, что эти разбойники опять залезли на мои земли и первыми нарушили наши dokonчания!

– Рассказывать придется слишком много, и все равно по всему белу свету разойдутся слухи, невыгодные для тебя!

– Конечно, как иначе, если моя собственная жена смеет выступать против меня! – Аскольд в негодовании потряс кулаком. – Не позорь себя и меня, ступай домой! Ты слышишь?!

– Я не уйду, пока не заберу Мстиславича и не смогу оказать ему помощь! – Дивляна даже не попятилась. Она чувствовала, что почти все вокруг на ее стороне, потому что дурные последствия поступка Аскольда, гнев как богов, так и людей многие представляли лучше самого князя. Ее золотистые брови хмурились, серо-голубые глаза яростно блестели, щеки разругались, и она была так хороша, что люди невольно любовались ею, забывая, о чем идет речь. – Сперва тебе следует позаботиться о том, чтобы не навлечь на себя и свое племя новых бед.

– Ты кто – старейшина или воевода, если берешься судить о моих делах?

– Я – старшая жрица Лады и княгиня полян! И я смею вмешиваться в дела, которые касаются благополучия всего моего племени!

– Но при чем здесь этот выродок?

– Если он погибнет, земля проклянет нас и не даст урожая. Если он погибнет, его отец пойдет на нас войной. Если же он выживет, то мы избежим гнева богов, а с князем Мстиславом будем разговаривать, имея на руках заложника. Он не сможет пренебречь судьбой своего младшего сына и вынужден будет принять твою волю. Ты сам понял бы все это, если бы не был...

«Так упрям!» – хотела сказать она, но не решилась. Однако Аскольд подумал, что жена собиралась назвать его глупцом, и его глаза налились злобой.

– Княгиня правду говорит! – поддержал ее Городислав, один из старейшин. – С Мстиславичем на руках с деревянами говорить сподручнее. А умрет – что

с него пользы?

– Сейчас решается судьба урожая – нельзя ставить его под удар ради вражды, – добавил волхв Судимер. – Пусть деревляне виноваты перед тобой, княже, они считали себя твоими гостями. Иначе не пришли бы с такой небольшой дружиной и товарами.

– Как бы там ни было, а нас виноватыми выставят, – негромко сказал князю на ухо Хорт.

– Сражаться за дань – одно дело, а затевать битву на торгу, куда люди пришли с товарами, – это совсем другое дело! – Козарин Саврай, старейшина козарской общины Киева и богатейший купец, неодобрительно покачал головой. – Кто захочет торговать с нами, если у нас в Киеве встречают гостей битьем? Мы потеряем все связи!

– Да, сыне! – кивнула воеводша Елинь. – Случись неурожай, сохрани чуры, народ это дело вспомнит и тебя обвинит в своей беде. Скажет, богов князь оскорбил и вины не искупил, а мы пропадай. Не подставляй голову.

Дивляна молчала: она уже поняла, что ее уговоры только ухудшают дело и побуждают князя возражать и спорить, что бы она ни сказала.

К счастью, дураком Аскольд все же не был и раздражение не настолько застило ему глаза, чтобы он не внял разумным доводам. Он мог враждовать с деревлянами, но теперь, когда собственный город готов был осудить его, ему пришлось отступить.

– Забирайте эту пададь, – процедил он, метнув короткий презрительный взгляд в сторону лежащего Борислава. – Но только пока он не поправится. А потом я переведу его к прочим пленным. И если Мстислав не пойдет на мои условия, то со вторым летним обозом его сын будет увезен к грекам и продан как раб!

Дивляна только повела взглядом – и люди подняли Борислава на руки, чтобы нести на Гору. Елинь Святославна поддерживала Ведицу, которая все рыдала, не в силах сразу успокоиться. Да и радоваться было еще рано – даже если княжич и выживет, будущее ничего хорошего ему не сулило.

Молодая княгиня шла следом за воеводшей и всхлипывающей золовкой. Она одержала победу, но на душе лежал камень. С ее мужем приходилось все труднее и труднее. Будто тролль его укусил, как говорил в Ладоге вуй Вологор, муж тетки Велерады, свейский варяг родом. Когда четыре года назад она ехала сюда, чтобы стать женой киевского князя Аскольда, могло ли ей прийти в голову, что со временем придется защищать от него саму землю и племя полян?

Киевскому князю Аскольду очень повезло с третьей женой. Так считали все поляне, кроме самого князя Аскольда. Этой весной ей исполнилось двадцать лет, и с зимы она ждала второго ребенка. Красивая, румяная, с тонкими золотыми бровями и яркими серо-голубыми глазами, Дивомила Домагостевна из Ладоги, ильмерская Огнедева, всем обликом излучала здоровье и бодрость. Даже россыпь золотистых веснушек, по весне появившихся у нее на лбу и на носу, не портили, а еще больше оживляли лицо, делали красоту и молодую свежесть ярче. Сразу же после свадьбы молодая княгиня оказалась беременной и в положенный срок родила девочку, которой теперь шел четвертый год. Новорожденную назвали Предславой, в честь бабки князя Аскольда. Сам князь был разочарован, что не сын, но народ воспринял случившееся как доброе знамение. В тот же первый год, пока Огнедева ходила в тягости и впервые приносила жертвы в качестве киевской княгини, дожди прошли почти во все нужные сроки и урожай по осени собрали весьма неплохой. А после недавних недородов он казался и вовсе отличным, так что племя полян ликовало и готово было на руках носить молодую княгиню, которая вернула им благословение земли и богинь плодородия. Дела налаживались: благодаря ее родственным связям со знатнейшими родами Волхова и Ильмеря, каждую зиму в Киев прибывали обозы с разнообразными мехами, запасами меда, воска и прочими товарами, а каждую весну все это отправлялось за Греческое море. Теперь князь Аскольд имел в изобилии зерно, скот, серебро и даже золото, дорогие греческие ткани, расписную восточную посуду, хорошее оружие и все, о чем можно только мечтать.

Поначалу Дивляне даже казалось, что она полюбит Аскольда, – любить для ее жизнерадостного и открытого существа было так же естественно и необходимо, как дышать. По внешнему своему поведению князь был спокойным и сдержанным человеком. Довольно высокий, не так чтобы мощный, а скорее костистый и жилистый, он своим обликом напоминал выходцев из-за Варяжского моря, к которым принадлежал по отцу. Лицо у него было продолговатое,

подбородок тяжелый, сильно выступающий нос, по-шведски высокие скулы, глаза небольшие и глубоко посаженные, а лоб высокий и широкий. Красивыми в его внешности были только волосы – светлые, мягкого золотистого оттенка, да и то к середине четвертого десятка на затылке уже светилась плешь. Золотисто-рыжеватые лохматые брови придавали его грубоватому, некрасивому лицу угрюмость, а слегка курносый нос будто намекал о какой-то тайной слабости. В обращении, однако, он был не так чтобы угрюм или груб, а скорее замкнут, болезненно самолюбив и недоверчив. И к тому же упрям, как гора каменная.

К молодой жене он поначалу отнесся по-доброму, дарил подарки, исполнял все ее желания. Однако, несмотря на то что Дивляна искренне старалась быть хорошей женой, не лезла в мужнины дела и усердно исполняла все свои обязанности, со временем домашние дела шли все хуже. Как ни странно, с приобретением третьей жены – умницы, красавицы, знатного рода, обученной всему, что должна знать и уметь мать и покровительница целого племени, молодой, здоровой, плодовитой женщины веселого, приветливого нрава, короче, сокровища, о котором только и мог бы мечтать любой мужчина и какой угодно князь, – Аскольд сын Дира не только не смягчился душой, но, напротив, стал еще более упрям, недоверчив, вздорен и неуживчив, чем раньше. Чем сильнее любил молодую княгиню народ, тем больше обострялось к ней недоверие собственного мужа, которое теперь, на четвертом году, перешло уже почти в неприязнь. Аскольд постепенно замыкался, отдалялся от нее, спорил по всякому поводу, отказывал даже в том, на что она, безусловно, имела право! Он стал бояться ее силы, красоты, ее влияния на племя; все то, что других в ней привлекало, его отталкивало. Аскольд тревожился, что поляне любят княгиню больше, чем князя, боялся, что и сам подчинится ее воле, позволит забрать себя в руки.

Сегодня с утра они уже успели поссориться, причем по очень важному, по мнению Дивляны, поводу. Начался месяц травень, юная богиня Леля незримо ступала по земле, и все вокруг оживало под ее чарующим взглядом. Шли самые ясные, самые радостные дни нового лета – мир под ярко-голубым небом наполнялся свежей зеленью едва распустившейся листвы, воздух пронизывала особенная душистая свежесть, которая бывает только в начале травеня, когда летнее тепло уже ощущается, но еще не нагрелась жара с ее пылью и духотой. Земля раскрывалась навстречу теплу, выпуская на волю ростки, уже месяц зревшие в ее черном чреве; она отзывалась на заботу, обещала щедро отблагодарить мир, если боги одарят ее теплом и влагой, а люди – трудом своих рук. Поля вокруг Киева оделись всходами; нежные, тонкие травинки, которым вскоре предстояло превратиться в колосья ячменя и пшеницы, покрывали

черную плодородную землю сплошным ярко-зеленым шелковым ковром, и сердце в груди ликовало и пело при виде их. Эти еще низенькие, но густо сидящие ростки обещали в будущем хлеб, блины, пироги, веселые изобильные пиры, сытую зиму – продолжение жизни, и никто не уставал поражаться и восхищаться этим живоносным чудом, несмотря на то что оно повторялось уже не первую тысячу лет.

В первый день месяца травеня на Аскольдов двор, расположенный на вершине Горы, в полдень явились люди – в основном старейшины окрестных поселений и их жены-большухи, все в нарядных праздничных уборах: мужчины с широкими ткаными поясами, женщины в уборах с рогами навроде коровьих.

– Пришли мы узнать, когда князь и княгиня прикажут землю-матушку чувствовать! – сказали они, кланяясь. – Какой порядок будет, как будем требы приносить, поля обходить.

Князь и княгиня вышли к ним вместе, но большинство восхищенных взглядов сразу устремилось к Дивомиле. Если Аскольду кланялись почтительно, но больше по обычаю, то ей доставались самые искренние и радостные приветствия. Иные не видели ее с зимы, и теперь радостный гул подтвердил, что слухи не лгали: княгиня снова в тягости!

– Матушка наша, кормилица! – гомонили бабы и лезли, отталкивая друг друга, поцеловать край ее завески, прикоснуться к руке, чтобы унести домой благословение самой Лады и поделиться с близкими, со своей семьей, скотиной и пахотными делянками. – Услышали боги мольбы наши!

А княгиня радостно улыбалась, приветливыми кивками отвечала на поклоны, окликала людей по именам, спрашивала, как дома идут дела, и иные старухи даже прослезились от умиления, любуясь ею. Беременности под расшитой завеской было пока почти не заметно, угадывали ее лишь взоры опытных женщин-большух, и княгиня казалась по-прежнему легкой и стройной.

А сегодня, в праздничном наряде, в сорочке, отделанной полосками красного византийского самита с золотым шитьем, с белым шелковым убрисом и серебряными кольцами-заушницами, она сияла, будто само солнце, богиня Солонь, земным воплощением которой являлась. Поистине, князю Аскольду повезло с третьей женой!

Казалось бы, живи да радуйся. Но князь Аскольд, вместо того чтобы гордиться своей княгиней, с самого утра был недоволен и когда она вернулась после переговоров со старейшинами, взялся с ней спорить. И о чем – о том, что составляло самую суть женской плодоносящей ворожбы и во что ему, мужчине, по уму говоря, вообще не стоило вмешиваться.

– Ну, хотя бы сегодня ты мог бы потерпеть! – почти в отчаянии взывала к нему княгиня Дивомила, уже и не надеясь, что хотя бы в честь самой земли-матушки ее упрямый супруг смирит свой нрав и сделает то, чего от него ждут боги, родная земля и племя полян.

В конце концов, необязательно на самом деле предаваться любви на вспаханном поле, если ему так уж не хочется, но хотя бы сделать вид! Ну, обнимет он жену и полежит вместе с ней немного на пашне – его ведь не убудет, да и рубаху потом не его стирать заставят!

– Я не стану этого делать, – почти спокойно, но с непреклонной решимостью отвечал князь Аскольд. – И не собираюсь об этом говорить.

– Но это твоя земля!

– При чем здесь это? Бог позаботится о полях и без того, чтобы я наяривал свою жену на глазах у всего народа!

Княгиня Дивомила горестно оглянулась на старую воеводшу Елинь Святославну, но старушка тоже могла лишь развести руками. Она-то знала своего упрямого сестрича с рождения и понимала, что убедить его не удастся. Мудрая женщина, воеводша догадывалась, в чем тут дело. Хотя была полностью согласна с молодой княгиней в том, что ради праздника Вешнее Макошье князюшка мог бы и потерпеть.

– Но пойми, этим обрядам три тысячи лет! Со Сварожьего веку так ведется! – убеждала его Дивомила. – А может, и поболее того. Кто мы такие, чтобы Свароговы установления ломать? Как на тебя народ посмотрит?! Скажут опять, что ты богов не чтишь, обычаи не уважаешь! Гнева богов начнут бояться и нас попрекать. Только-только все наладилось, слава Макоши. Ну, что тебе мешает?

– Я не собираюсь в этом участвовать. Земля давно вспахана и засеяна, всходы показали, что вам еще надо? Что посеяно, то и взойдет! Все эти старые глупости не по мне! Земля и без того родит. А я не собираюсь этим заниматься посреди чиста поля на глазах у всей толпы, средь бела дня!

– Но все же делают! – изумилась Дивляна, зная, что обряд зарода совершается каждой парой, мужем и женой, на их собственном поле, и так происходит уже не первую тысячу лет.

– Это только здесь. Да если бы я рассказал об этом в Корсуне, меня бы застыдили и обсмеяли!

– Ты правишь не в Корсуне, а в Киеве! Ты – князь, отец племени, ты должен отдавать богам и земле полную дань уважения, если не хочешь погубить и народ, и самого себя!

– Христианские народы не делают ничего подобного, и я не собираюсь! Христианские народы знают, что лишь единый Бог наделяет землю плодородием и вручает князю право на власть, и никому, кроме Бога, он ничем не обязан!

– Но здесь-то не у христианского народа!

Дивляна знала, что ее муж много лет назад дал клятвы верности богу чужих земель – Иисусу Христу, так его звали. Об этом боге она слышала и раньше: в Ладогe, где она выросла, нередко встречались христиане, варяги из разных земель, крестившиеся в основном ради удобства ведения своих торговых дел в христианских странах – Бретланде, Стране Франков, Стране Фризов. А князь Аскольд познакомился с греческой верой еще в юности, когда, потеряв отца, в возрасте пятнадцати лет остался князем и главой целого племени. Тогда ему потребовалось подтвердить договор, заключенный князем Диром незадолго до смерти, и в ходе переговоров он согласился признать греческого бога, чтобы приобрести дружбу и поддержку греков. От народа это держали в тайне: никакое племя не потерпит князя, отрекшегося от древних богов. Особенно тяжело пришлось бы Аскольду, сыну пришлого русина, который добился власти путем брака с Придиславой Святославной, младшей дочерью последнего полянского князя Святослава Всеволодовича. Поэтому он исполнял все нужные обряды, приносил жертвы и устраивал пиры, но сам тайком молился другому богу, доставая иногда из кошелья на поясе маленький золотой оберег в виде

креста, украшенного красными лалами и жемчугом. Дивляна, впервые об этом узнав, была потрясена до глубины души и даже заплакала от страха. На какую защиту богов может рассчитывать племя, в котором князь отрекся от них?! Но поделаться ничем было нельзя: Аскольд, с юных лет помня, что он здесь чужой, не чувствовал родства с богами полян, но не ближе были ему и древние боги северной родины отца, которую он никогда не видел. И что ему оставалось, кроме как выбрать своим покровителем греческого Иисуса? Тот ведь жалует своих приверженцев только за любовь и преданность к нему, не глядя на то, в какой стране они родились и к какому роду-племени принадлежат.

– Но ведь и отец твой, князь Дир, обряд зародный творил, – вставила Елинь Святославна.

– Да уж я знаю! Батюшка любезный щедро свое семя сеял, а я теперь урожай собирай! – Аскольд бросил взгляд на Ведицу – плод последнего Дирова «посева», родившуюся на свет в год его смерти; женив сына, Дир и сам не собирался уходить на покой.

А теперь Аскольд злился на отца, разнообразными подвигами которого его попрекали в собственном доме! Почти с тоской он вспоминал своих прежних жен, бесцветную Собигневу, которой ни до чего не было дела, и вздорную настырную Негораду. Они не требовали, чтобы он наделял землю плодородием, предаваясь с ними супружеской любви прямо посреди поля, на свежих ростках. И тогда он мог не опасаться, что княгиня, воплощение самой земли в глазах народа, однажды и вовсе оттеснит его от власти, потому что он станет лишним и для нее, и для народа! Даже как воевода он ей почти не нужен – для этого есть Белотур, его двоюродный брат, с которым у нее, как Аскольд давно подозревал, сложились не только родственные отношения!

– А если люди в твоей силе усомнятся? – Дивляна всплеснула руками в досаде на его упрямство. – Скажут, покинула ярь князюшку нашего... А какой же тогда князь!

– Одна у тебя ярь на уме! – гневно крикнул Аскольд. – Будто кобыла – где жеребец заржет, ты туда вприпрыжку! Тяжела уже, второе дитя носишь – а все тебе яри мало! А что до болтунов, то я... Я – князь полянский и сам решаю, что мне делать! Если бы эти люди лучше молились Богу, то им бы не понадобилось наяривать жен на полях, будто это им заменит пахоту!

Бледный от гнева Аскольд вышел. Дивляна опустилась на лавку и, не сдержавшись, заплакала. Дорожа домашним ладом, она старалась уклоняться от ссор с мужем, но теперь отступить ей было некуда, и нынешнее столкновение показало, как непримиримо настроен Аскольд, как мало он готов считаться и с ней, и со всем племенем, и с богами. Прежние случаи их несогласия она относила на счет его усталости или плохого настроения, но нынешний был слишком важным для причуд. Сейчас она со всей режущей ясностью осознала: ее муж живет в каком-то другом мире, где, похоже, никого больше нет, кроме него самого. Ведь она просит не для себя, а для всех полян, но Аскольд упрямится, отмахивается от того, что для нее и людей так важно. А значит... Ей казалось, земляной пол под ногами шатается, весь ее домашний мир готов рухнуть. Четыре года она выстраивала этот мир, зная: иной судьбы не дано и с этим человеком ей жить до самой смерти, и вот получалось, все напрасно, в руках одни обломки. И что впереди?

– Ну как можно так жить? – бормотала Дивляна сквозь слезы, склонив лицо к плечу утешавшей ее воеводши Елини, которую считала своей свекровью, хотя Аскольду та приходилась не матерью, а теткой по матери. – Ну какой он князь? И какой он муж? Люди подумают... он ни к чему не годен... или что я ему не любя... себя и меня позорит...

– Ох, не вовремя Тур уехал... – вздыхала старушка. – Не к добру приведет...

При упоминании Белотура Дивляна заплакала еще сильнее. Был бы воевода здесь, может, хоть он убедил бы своего упрямого брата. А если бы и не убедил, при нем Дивляне было бы и спокойнее, и легче переносить что угодно. Белотур был очень хорошим человеком – добрым, дружелюбным, смелым, решительным и надежным. При нем ей было на кого опереться, но с его переездом в радимичское Гомье она осталась одна. Разве что с воеводшей Елинью, его матерью, эта общая потеря сблизила их еще больше.

– Может, братец еще остынет, одумается. – К ней подошла Ведица, села рядом, заботливо поправила сбившиеся уборы. – Ты же, матушка наша, такая красавица, что как сядешь под дубом, к тебе сам Перун из Сварги выйдет!

Вынужденные постоянно обороняться от вздорного и упрямого князя, все три женщины его семьи близко дружили и держались вместе – чего не бывало раньше, при прежних Аскольдовых женах. Дивляна вздохнула. Она не хотела Перуна, она хотела, чтобы рядом с ней был обычный земной мужчина, надежный

и понимающий, который любил бы ее и радовался ее красоте, а не ненавидел и не боялся бы ее за то, что она уж слишком хороша.

– А что это он так в лице переменялся, когда ты про мужскую силу помянула? – опасно округляя глаза, зашептала Ведица. – Ты того, матушка, не замечаешь ли...

– И правда... – Дивляна вдруг сообразила, что муж уже давно не предъявлял на нее права, однако относил это за счет своей беременности.

– Ведь кабы он на другую какую бабу или девку глаз положил, мы бы знали... – Ведица перевела взгляд с воеводиши на княгиню. – Уж не сглазили ль его, сохрани Макошь? – И прикрыла рот ладошкой, будто не решаясь вымолвить такие страшные вещи.

– Да кто же? – усомнилась Дивляна. – У нас в Киеве и умельцев нет таких.

– А может, и не у нас, – озабоченно сказала Елинь Святославна. – Я и сама уж думала. С чужой стороны это идет.

– С какой чужой стороны?

– Да мало ли врагов у нас? От деревлян хотя бы. Уж не первый год люди говорят, будто у князя Мстислава в Коростене колдунья какая-то объявилась.

– Что за колдунья? – Дивляна испугалась, но в первую очередь подумала об опасности не для мужа, а для ребенка.

– Не знаю какая. Боятся люди говорить о ней. Так, слухи собираю, вот года за три и набралось кое-что...

– Ой! – Дивляна вдруг вытаращила глаза и быстро прижала руку к животу.

Да... Да! У нее даже слезы выступили на глазах от волнения.

Ей не померещилось – это повторилось! Будто какой-то маленький зверек шевельнулся внутри нее – ощущение было и странное, и тревожное, и приятное. Она находилась как раз на том сроке, когда плод внутри впервые дает о себе

знать и когда в него вселяется душа.

– Лада-матушка! – воскликнула Елинь Святославна, по ее лицу поняв, что происходит. Потом живо поднялась с лавки и низко поклонилась: – Добро тебе, чуре! Пожалуй к нам, мы уж тебя заждались! Жить тебе в чести да в радости, на белый свет глядеть! Прежде ты нас кормил, да растил, да уму-разуму учил, теперь мы тебя и выкормим, и научим, как родовой закон велит! Иди к нам!

Поскольку Дивляна забеременела в темную половину года, в ее будущего ребенка должна была войти душа кого-то из предков, уже живших на земле. Если волхвам после рождения откроется, кто именно из дедов вернулся в род, то ему будет дано прежнее имя. Пока спрашивать об этом не пришло время, но старая воеводша рада была приветствовать того, кто когда-то был, возможно, ее собственным прадедом, а вскоре станет внуком.

Но сегодня даже долгожданное явление духа не порадовало Дивляну. Зная, что поступает неправильно, она все же с трудом гнала от себя досадливую мысль: родится сын, похожий на Аскольда, – наплачутся они с ним!

И теперь, впервые ощутив в себе ребенка как другое живое существо – то, что вскоре выйдет в белый свет и останется с ней на долгие годы, – Дивляна невольно пожелала, чтобы он вырос как можно менее похожим на отца. Вырос открытым, смелым, дружелюбным, сердечным, пусть порой безрассудным и несдержанным, но горячим и любящим жизнь. Таким, каким стал бы, родись он не от Аскольда, а от другого... От того, с кем когда-то Дивляна видела себя рядом в девичьих мечтах, и мечты те и сейчас еще составляли ее тайное утешение и отраду. Как и четыре года назад, когда ее сердце впервые забило по-особому, она воображала своего будущего ребенка похожим на Вольгу, Волегостя Судиславича, князя плесковского, – и душу заполняло блаженство, будто она носит под сердцем само солнце...

Сидя за шитьем, Дивляна все раздумывала, как теперь быть. В прежние годы ее замужества Аскольд по весне сам уходил в Корсунь с первым обозом, поэтому в его отсутствие зародный обряд выполнял кто-то из волхвов или воевода Белотур, каждый со своей женой, но из-за этого жены волхвов или воеводша Воротислава, сама княжеского рода, считались первыми женами полянской земли и священными нивами! Сейчас, когда князь остался дома, Дивляна не могла без урона для своей чести уступить это дело другим и размышляла,

под каким бы предлогом отказать нарочитым женам[4 - Нарочитые люди (мужи или жены) – то же, что лучшие люди, племенная знать.] – Годославе, Гусяне или старшей Угоровне – Унераде, если они предложат исполнить обряд вместо нее, и не лишат ли боги благословения их поля, если обряд не будет сотворен вовсе. Но вдруг в истобку ворвалась ее золовка, и по лицу ее Дивляна сразу поняла: что-то опять случилось.

– Матушка моя! – завопила Ведица, в безумном волнении ломая руки с длинными пальцами. Но Дивляна не слишком встревожилась поначалу: она знала, что эта девушка любую малость принимает чересчур близко к сердцу и потому вечно пребывает в волнении. – Что творится-то, ты слышала?

Своей последней дочери старый князь Дир дал северное имя Ведис, в честь какой-то из своих бабок, но женщины быстро переделали его в Ведицу, а когда девочка подросла, Елинь Святославна велела называть ее Ведиславой. Сейчас ей уже сравнялось семнадцать лет; это была высокая, даже отчасти долговязая дева, не так чтобы красивая: с продолговатым лицом, длинным носом и небольшими изжелта-зелеными глазами, худощавая, если не сказать тощая, и все же скорее привлекательная, чем наоборот. Несмотря на худобу и некрасивость, Ведица сразу нравилась и мужчинам, и женщинам. Может, ловкостью движений, широкой дружелюбной улыбкой, приветливым, доверительным и даже игривым взглядом. Она отлично умела со всеми ладить, всегда была хорошо и бодро настроена, весела и старалась развеселить других. А ведь судьба ей досталась не из легких. Ее мать князь Дир привез из последнего своего похода – там он был ранен и забрал ведунью из святилища где-то на Десне, чтобы ухаживала за князем по дороге. Так при нем эта ведунья, по имени Зоряна, и осталась: была она еще молода и понимала не только в травах. Она родила дочь, потом Дир умер, и они обе остались на милость молодого князя Аскольда. Аскольду в то время было всего шестнадцать, но он уже два года был женат. А жена, уличская княжна Собигнева, успела ему наскучить. Едва пообвыкнув и убедившись, что строгий и грозный отец из могилы не встанет, Аскольд взял мачеху в младшие жены. Княгиня Собигнева была недовольна, но он ее не слушал. Через несколько лет первая его жена умерла, он взял вторую, ее же сестру Негораду. Та тоже отнеслась к Зоряне без восторга, и в первую же зиму, во время Корочуна, ту нашли на снегу убитой, с проломленной головой. Понять, кто это сделал в буйстве игрищ, в темноте, среди мечущихся ряженных, было невозможно. Подозревали, что виной всему ревность княгини, но что же тут докажешь? Доказали боги: сколько ни рожала Негорада, все ее дети умирали, а роды проходили раз от раза тяжелее. И от пятых по счету она умерла, так и не дав мужу наследника. «Не пошло впрок злое

дело!» – шептались бабы.

Ведица осталась сиротой, но росла при княжьем дворе и как-то ухитрялась приспособливаться ко всем, кто занимал место хозяйки дома: к Аскольдовым женам, воеводше Елини Святославне, молодой воеводше Воротиславе, потом к Дивляне. К тому же она была сама не своя до зелий, заговоров и обрядов, вечно носила на поясе десятков оберегов и обожала вести мудрые беседы со всяким встречным зелейником. Но самым дорогим ее достоянием была небольшая, с ладонь, тряпичная кукла, оставшаяся ей от матери. Про эту куклу она рассказывала:

– Как матушка моя бедная помирала, вынула она из-под одеяла куколку и говорит: «Слушай, Ведица, доченька моя! Оставляю я тебе вот эту куколку. Береги ее, никому не отдавай, а когда приключится у тебя какое горе, дай ей поесть и проси совета. Покушает она – и скажет тебе, чем горю помочь».

Личико куколки, угольком нарисованное на белом полотне, Ведица старательно подправляла, несколько раз переодевала ее в новые рубашечки взамен истрепавшихся. Елинь Святославна рассказывала Дивляне, что Зоряна погибла внезапно, ночью, во время игрищ, и никто возле нее не сидел, и ни с кем она говорить не могла, так что насчет предсмертного материнского наказа Ведица все придумала – слышала старую басню когда-то и переложила на себя, да и сама поверила. С детьми так часто бывает: придумают и поверят, а потом никак их уже не убедишь, что ничего этого не было. Ведь в то время девочке было всего семь лет, она и лицо-то матери, должно быть, плохо помнит, так пусть хоть куклу за память считает. К тому же многие волхвы и впрямь умеют после смерти вселяться в такие вот куколки. А Зоряна много чего умела – так, может быть, ее дух наставил дочь сделать эту куколку, чтобы иметь возможность остаться рядом с ней?

Несмотря на некоторые чудачества, Ведица была девушкой доброй, Елинь Святославна всегда хвалила ее за прилежание, Дивляна никогда с ней не ссорилась и любила, как сестру.

Сейчас Ведица выглядела непривычно взволнованной, даже возбужденной; влетев в истобку, она с ходу бросилась на колени перед Дивляной и зарылась лицом в ее подол.

– Матушка моя! – воскликнула она. Дивляна была старше ее всего-то на три года и в матери, даже названные, никак не годилась, но рано осиротевшая Ведица страстно жаждала материнской опеки и искала мать в любой доброй женщине; к тому же Дивлянэ она почитала, считая ее воплощением божественной мудрости и мерилom правоты. – Родненькая! Что делается!

– А что делается? – Дивляна высоко подняла свое шитье, чтобы Ведица сгоряча не напоролась на иглу. – Чего ты мечешься? Что стряслось?

– Он приехал! – страстно выдохнула девушка, подняв к ней лицо с горящими глазами. – Приехал! На пристани, на Подоле! Ой, матушка!

– Кто приехал?

– Княжич Борислав!

– Сам приехал? – в изумлении ахнула Дивляна. – И что же? Где князь?

– Пошел туда! Что мне делать, матушка, идти вниз, на Подол, или здесь ждать? Научи, помоги, сама себя не помню, сердце так и колотится! Ой, я сейчас умру! Не оставь меня, я пропаду!

– Эко ее разбирает! – Дивляна мельком бросила веселый взгляд на вошедшую в это время Елинь Святославну. – Уймись, родная. Если ты сейчас разум потеряла, что же к свадьбе с тобой будет? Давай, вставай! Умываться, косу чесать, платье выбирать! – затеребила она Ведицу, отложив шитье. – Матушка, девок зови! – Она кивнула воеводше. – Вниз нам идти незачем, как князь его сюда приведет, тут и свидитесь.

Волнение Ведицы было понятно. Еще пять лет назад, когда той едва исполнилось двенадцать, Аскольд обручил ее с княжичем Бориславом, младшим из двух сыновей деревлянского князя Мстислава Володимеровича. Поляне и деревляне, дальние родичи и ближайшие соседи, воевали между собой часто, и ради очередного примирения Аскольд, для которого дела в тот раз сложились неудачно, был вынужден согласиться на это обручение. И с тех пор князь Мстислав чуть ли не каждый год посылал за невестой, но Аскольд тянул, отговариваясь тем, что сестра-де еще слишком молода и приданое не готово, то есть использовал обычные предлоги родичей девушки, желающих отказать

сватам. В прошлом году он заставил Ведицу улечься в постель, посадил вокруг нее трех ведуний и заявил, что она тяжело больна и о свадьбе не может быть и речи. Объяснялось это вовсе не любовью к сводной сестре и нежеланием с ней расставаться. Аскольд хорошо понимал: пока у него нет сыновей, муж сестры становится прямым его наследником. Деревлянские князья понимали это не хуже. Для Аскольда этот брак нес настоящую угрозу: вручив свое наследство Бориславу Мстиславичу, он ставил под удар собственную жизнь. Деревлянский княжич, горячий, честолюбивый, решительный и отважный, был не из тех, кто станет терпеливо дожидаться счастья много лет. Он сам возьмет то, что считает уже своим. Поэтому Аскольд тянул как мог, а Ведица, засидевшаяся в девках, томилась, плакала, засыпала богиню Ладу жертвами и мольбами...

Ободренная невеста принялась наряжаться. Князь Аскольд с ближней дружиной – киевскими старейшинами и кметями – уже ушел к пристани. Если бы трепещущая от волнения Ведица знала, какую встречу он заготовил ее долгожданному жениху!

Глава 2

Святая гора Креница, наиболее древнее почитаемое святилище деревлянской земли, как и положено для подобного места, стояла на рубеже стихий: вознесенная высоко в воздух, ближе к небу, она была окружена водой Ужи, протокой и болотом. Также к ней примыкал обширный жальник. В течение веков деревляне погребали здесь прах своих умерших: сперва прямо в земле, а в последние два века научились насыпать курганы, – и теперь эти насыпи в изобилии усеяли поле мертвых, будто земляные волны.

Сжигали покойных не здесь, а в священной роще, которая находилась дальше. Навья роща, как ее называли, посвященная богам Нижнего мира, считалась заповедным местом: в ней нельзя было брать дрова или собирать ягоды, нельзя охотиться, даже заходить сюда без нужды никто не решался, потому что каждая травинка здесь была пронизана силой Нижнего мира и невидимая кровь самой Марены текла в жилах деревьев и трав. Скалили зубы волчьих черепа, развешанные на сучьях в знак того, что тут пролегает межа, которую живым нельзя пересекать и которую охраняет Пес Велеса.

А в самом сердце чащи лежал круг Черного Огня – то место, где сжигали тела, где умершие совершали переход на Ту Сторону. Там же, чуть поодаль, стояла маленькая тесная избушка, наполовину вросшая в землю, с покосившейся замшелой крышей и крохотным окошком. Избушка, рассчитанная только на одного жильца – такого, у кого нет и не будет семьи и детей, к которому никогда не приходят гости – гости, которым нужно место на скамьях и за столом. А те, кто приходит к хозяину, вернее, хозяйке этой избушки, войдут через закрытую дверь и найдут себе место, сколь бы ни были они велики...

Здесь жили Темные Матери, хранительницы Черного Огня – жрицы Марены. Обыкновенно это были старые женщины, сами уже глядящие в Нижний мир, и все они носили имя Мары, получая его в наследство одна от другой. Последняя Мара умерла во время радения четыре года назад в Марин день – в тот самый, когда в Коростень явилась Незвана, дочь Безвиды. То, что Черная Мать забрала дух старой Мары, было воспринято как знак того, что теперь это место должна занять пришедшая. Несмотря на молодость Незваны, едва ли кто мог исполнять должность Мары лучше ее. Прочие волхвы не любили ее, а простые деревляне так и не избавились от мысли, что в ее облике пришла сама Марена. Звать ее на погребения не приходилось – она сама являлась сразу же, как только в окрестных поселениях кто-то умирал, будто получала весть от Кошчной Матери. Несколько раз в округе случались внезапные смерти – или без видимой причины, или из тех, что зовутся «дурными»: кто с дерева упал да шею сломал, кто волками растерзан посреди лета, кто из челна выпал да утонул. Поговаривали, будто в этих смертях виновата Незвана, и волхвы мрачно молчали, если их спрашивали об этом. Пришлую колдунью давно бы уже прогнали, но князь Мстислав велел не трогать ее. Иной раз они вели о чем-то тайные беседы, и хотя деревляне не одобряли этой дружбы, пока приходилось терпеть.

Каждый вечер, прежде чем просто заснуть, она привычно погружалась в состояние «вещего сна» – для нее это было таким же обычным делом, как для любой женщины выглянуть в окошко-заволоку. Едва ли Незвана помнила время, когда не умела этого делать, – ведь она была рождена и воспитана для того, чтобы стать волхвой, вечной путницей на невидимых и бесконечных тропах Навьего мира. «Вещий сон» – это скорее место, чем время, особое место на межах Того и Этого света, где ведогон волхва, освобожденный из тела, встречается с обитателями Той Стороны – своими друзьями, помощниками, покровителями, слугами, врагами, повелителями... Как сильный мужчина, гордясь и радуясь силе своих рук, легко поднимает свое тело по веревке, так Незвана, ложась на узкой и жесткой лежанке, мигом подтягивалась,

используя в качестве веревки собственный хребет, и взлетала по позвонкам, будто белка по ветвям, – и вот уже под ней и правда ветви Мер-Дуба, уходящего вершиной за верхнюю грань видимого неба. Все выше, выше... сквозь серое сумеречное пространство, пока не покажется впереди знакомый берег – знакомый и каждый раз иной, – усыпанный углем и золой погребальных костров, из которого тут и там виднеются обгоревшие остатки костей, черепа с пустыми глазницами... Вот берег черной Забыть-реки, а вдалеке полыхает пламенно-багровым еще одна река – огненная.

Но туда ей сейчас не нужно. Она бежит вдоль берега Забыть-реки, чуткими ноздрями ловит запахи – невидимые следы на тропе. Сейчас она – женщина с головой волчицы, с волчьим хвостом, таков ее облик в Навьем мире.

Вот Змеиный камень – огромный, серый. Четыре года назад она впервые попала сюда, заблудившись на незримых тропах, и заснула, совершенно обессиленная. Тогда она была измучена, полна обиды, злости и боли. Вся ее жизнь, казалось, рухнула. Много лет она и ее мать, волхва Безвида, были самыми близкими людьми для кривичского князя Станислава – сына сестры Безвиды и двоюродного брата Незваны. Ему суждено было погибнуть еще в юности, в тот же день, когда сложил голову в битве со смолянами его отец, князь Велебран. Безвида вернула Станилу с Того Света, выпросила у Марены его дух, пообещав за семь лет раздобыть взамен другую жертву княжеской крови. И исполнила обещание – этой жертвой стал смолянский князь Громолюд, кровный враг Станислава. А Станила унаследовал все его земли и владения. Но вместо благодарности он прогнал от себя тех, кто дал ему сил для этих побед, – Безвиду и Незвану. Так пожелала его новая молодая жена – Огнедева[5 – Эта история рассказывается во второй книге цикла – «Огнедева: Аскольдова невеста»]. И хотя Станиле досталась не та Огнедева, поддельная, Незвана винила во всем настоящую – ту, что уехала к Аскольду. Ведь именно ее, Дивомилу ладожскую, Станила пожелал ввести в свой дом и в конечном счете из-за нее прогнал служительниц Марены, с которыми девушка, воплощавшая Солнечную Деву, богиню Солонь, не могла жить рядом. Бывшую полонянку Красу, купленную за шестьдесят шелягов и ставшую смолянской и кривичской княгиней Зарялой, Незвана ненавидела гораздо меньше, потому что та была ей не соперница. Конечно, она кое-чему научилась и приобрела кое-какие силы, оказавшись на месте матери и верховной жрицы нескольких родственных племен, но все же истинное благословение Огнедевы принадлежало другой, которая и питала своей силой Огнедеву поддельную. И на эту, настоящую Огнедеву, княгиню Дивомилу, Незвана направила всю свою ненависть.

Уйдя в леса, она поклялась не знать покоя, пока не погубит соперницу и не заставит Станилу призвать их с матерью назад. День и ночь, вновь и вновь уносясь в Навий мир, она искала подходы к Огнедеве – но напрасно. Целое войско духов преграждало Незване путь, и, пытаясь нанести удар, она получала ответ такой силы, что ее выбрасывало из Навьего мира, чуть живую и обессиленную, и после этого ей приходилось долго отлеживаться в Яви.

Она понимала, что это значит. Ладожская Огнедева была от рождения наделена слишком сильной судьбой – боги предназначили ее для чего-то важного, и пока предназначение не выполнено, ее защищает сам Лад Всемирья. В ярости и бессильном гневе Незвана могла бы и ему бросить вызов, но умом понимала, что уж это никак невозможно. Оставалось или ждать, или искать другие подходы – в том числе через Явный мир. Но и в Явном мире их силы были не равны – Огнедева стала княгиней, а Незвана, наоборот, утратила влияние на своего брата-князя и не могла опереться ни на кого, кроме себя. Ни в Навьем мире, ни в Явном ее и близко не подпустили бы к той, которую она ненавидела всей душой.

Но она была бы недостойна своего рода, если бы не продолжала поиски и попытки. В облике полуженщины-полуволчицы Незвана носилась темными тропами, встречала разных тварей, говорила с ними, сражалась, подчиняла себе и тем увеличивала свою силу. Но вот беда: те, кого она могла побороть и подчинить, не могли помочь, потому что были слабее ее. Сила колдуньи возрастала, как возрастала и совокупная мощь подчиненных ей духов, но все ее попытки пробиться сквозь защиту Огнедевы заканчивались провалом.

И вот однажды она, утомленная поисками, добрела до огромного серого камня, рухнула и уснула у подножия, скованная то ли усталостью, то ли силой самого этого места. И во сне увидела, как из Забыть-реки поднимается громадный змей – черный уж с золотыми пятнышками по бокам головы. Во сне Незвана затрепетала – это был сам Зверь Забыть-реки, могучий дух Нижнего мира, одно из воплощений Велеса и страж первого рубежа между миром живых и миром мертвых. Он все поднимался и поднимался, его голова вздымалась все выше и выше к темным небесам, на которых никогда не показываются светила, его мощное черное тело все тянулось и тянулось, будто ствол Мер-Дуба... Казалось, что сама Забыть-река встает из своего пепельного ложа, грозя опрокинуть равновесие всего мироздания... И когда Незвана была уже совершенно подавлена и обессилена от ощущения его мощи, он вдруг исчез – и оказался совсем рядом с ней. Теперь он принял облик, близкий

к человеческому, – перед ней предстал мужчина с головой ужа, и все его тело было покрыто блестящей черной чешуей, мелкой, мягкой на вид, но гладкой и прочной, как черненная сталь.

– Кто ты и из какого мира? – хотела она задать ему положенный вопрос, но не сумела издать ни звука.

– Это скорее я тебя спрошу, кто ты, дочь Безвиды, и из какого мира пришлица? Из Яви? – усмехнулся человек-уж, и голос у него был низкий, немного хриплый, но теплый и проникающий, будто гладил по душе чем-то мягким. – Ты далеко забралась – туда, где твоих сил уже не хватит, чтобы защитить себя. Что ты здесь ищешь?

– Я ищу силы для борьбы с моим врагом, – мысленно ответила Незвана, но здесь ей и не нужно было говорить вслух – он легко улавливал ее мысли.

Она с трудом села на серый пепел, подняла голову, чтобы рассмотреть его как следует. Человек-уж лежал на берегу, со стороны воды, подперев рукой змеиную голову, и разглядывал ее.

– А кто твой враг?

– Она... – Незвана пыталась назвать хотя бы одно из имен ненавистной ей женщины, но не могла, словно здесь они были запретны. – Ту, что отняла у меня все, чем я владела.

– Не все, – возразил он. – С тобой осталась твоя сила. И твоя сила возросла. Пусть ты не можешь пока одолеть ее, но в том не твоя вина. Ее защищают сами боги – она нужна им. Но я скажу тебе: это не вечно. Она исполнит свое назначение и тогда будет беззащитна. Тебе нужно ждать, а тем временем готовить свою будущую победу.

– А как твое имя? – наконец спросила Незвана.

– Зови меня Князь-Уж. – Он мягко потянулся, и перед ее глазами мелькнуло будто бы извивающееся змеиное тело.

– Ты будешь помогать мне? – спросила она, понимая, что ей не хватит сил бороться с ним и подчинить его.

– Я буду помогать тебе, – кивнул человек-уж. – Но для этого ты должна признать мою власть...

Незвана не успела ответить, как вдруг ощутила себя опутанной кольцами змеиного тела: оно сковало ее по рукам и ногам, было горячим и крепким, как железо, но гибким и подвижным, будто под прочной гладкой кожей переливался жидкий огонь.

– Ты готова повиноваться мне? – донесся до нее свистящий шепот.

И она знала, что вздумай лишь ответить «нет» – кольца сомкнутся и мигом выдавят из нее дыхание, дух и жизнь. Она чувствовала и ужас перед своим бессилием, и восхищение мощью своего противника. Словно предупреждая, кольца стиснули ее сильнее, так что она не могла вдохнуть и на миг ощутила, будто умирает, – здесь умирает, в Навьем мире, вследствие чего дух никогда не вернется в оставленное тело. Зверь Забыть-реки поглотит ее и увеличит свою мощь, а она просто исчезнет... Но тут же хватка ослабла. Ей стало легче, однако теперь все тело наполняло томление, и прикосновения его горячих колец приносило почти наслаждение, смешанное с отголосками смертного ужаса.

– Я готова, – прошептала она. – Ты – мой господин... я признаю...

– Я дам тебе силу, которой тебе не хватает, – звучал в сознании свистящий низкий шепот, и тонкий змеиный язык, острый и горячий, скользил по ее телу, отчего Незвану обдавало то жаром, то холодом. – Подчинись мне, слейся со мной, растворись во мне, и ты станешь так же сильна, как я сам...

Каким-то дальним закоулком разума она понимала, что это подчинение и слияние опасны – она теряет свободу и волю навсегда и потому перестает быть собой, становится лишь частицей иной силы. Но противиться не было ни желания, ни возможности – свои собственные силы она лишь напрягала напрасно и устала от чувства бессилия, а теперь где-то впереди уже брезжили возможности, неизмеримо превосходящие то, что было прежде. И все эти силы воплощались в нем, в человеке с головой ужа, который заключал в себе мощь Нижних миров и потому был беспредельно огромен. Ее нестерпимо влекло

к нему и его силе, и она обняла его, выражая покорность и готовность к слиянию. Все в ее восприятии двоилось. Ее руки чувствовали тело мужчины, ладони скользили по твердым, как железо, мышцам его груди и бедер, покрытым плотной гладкой чешуей, но то, что она сжимает его в объятиях, было обманом. Это он сжимал и полностью сковывал ее, и то, что она чувствовала кожей, говорило о том, что змей плотно обвивает ее тело кольцами. Он был с ней одновременно в нескольких обликах – человеческом и змеином, а может, и больше – больше, чем даже она могла воспринять. Он овладел ею как мужчина, и она стремилась к нему как женщина, одновременно ощущая, как по мере его проникновения в нее само ее тело растворяется и исчезает, будто тает в глубокой черной воде, а дух сливается с чем-то настолько огромным и могучим, что не вмещается в сознание. И пропадает в нем...

Она перестала быть собой – она стала Забыть-рекой, что течет из сосцов Матери-Елени, старшей из двух небесных олених, матерей мира. Она скользила вниз по Мер-Горе, вниз по Мер-Дубу, огибала Всемирье, соединялась с духом Змея, принимала его облик, снова текла, извиваясь живым гибким телом между бесконечных берегов... Потом устремлялась вверх, поднималась по Мер-Дубу, по Мер-Горе и пропадала у морды Дочери-Елени, второй из небесных олених... чтобы вновь появиться и устремиться вниз... Казалось, это продолжается бесконечно – от самого начала мира, у которого нет начала, и до конца, которого тоже нет... Она была безгранична, как само Всемирье, и так могуча, что у нее не оставалось ни желаний, ни целей, кроме одного – продолжать это вечное движение...

Очнуться ей удалось далеко не сразу – в глухом лесу, вдали от людей, в окружении трех волков, согревавших ее тело во время долгого путешествия ведогона. Зато готовое знание о том, что нужно делать, проснулось вместе с ней. Огнедева, ее противница, стала женой полянского князя Аскольда, а у полян с деревлянами старая вражда. В деревлянских князьях она найдет верных союзников, руками которых будет готовить поражение Огнедевы. Недаром же Коростень, их город, и древнейшее святилище, Святая гора Креница, стоят над рекой Ужей, носящей имя нового покровителя Незваны – Князя-Ужа.

И, не теряя времени, Незвана пустилась в путь. Три волка проводили ее до реки и потом долго глядели вслед долбленке, на которой уплывала женщина с волчьей шкурой на плечах, так похожая на них и обликом, и выражением глаз.

– Ты погибнешь! – угрожающе бормотала Незвана, ловко проводя долбленку между плавучими корягами, но внутренним взором видя перед собой далекую цель. – Скоро ты будешь в моей власти, Огнедева! И я уничтожу тебя!

После первой встречи с Князем-Ужом Незвана изменилась. Темная вода Забыть-реки теперь струилась в ее жилах, и она ощущала в себе течение этой темной мощи. Деревлянские волхвы приняли ее настороженно и даже враждебно – они тоже чуяли в ее крови дух Забыть-реки и понимали, что она уже не хозяйка себе, из-за чего ее сила становится крайне опасной. Но князь Мстислав и его род легко попались на ее обещание помочь в борьбе с Киевом. Они ненавидели Аскольда почти так же сильно, как она ненавидела Дивляну. Самое трудное состояло в том, чтобы ждать. Ждать, пока придет срок и защита Огнедевы ослабеет...

И вот этот день настал. Едва лишь Незвана легла и закрыла глаза, как ее охватило предчувствие чего-то радостного. Она взмыла над собственным телом, невидимой птицей развернулась в тесном пространстве избушки и вылетела через щель заволоки. Она мчалась сквозь темную длинную нору, узкий подземный лаз, который все расширялся, пока впереди не забрезжил серый свет, – и вылетела прямо на берег Забыть-реки. Темная вода влекла ее, и она нырнула, с наслаждением чувствуя, как скользят по телу волны – не теплые и не холодные, убаюкивающие, лишаящие омывающуюся в них душу памяти о том, что она пережила в земной жизни. Это – последняя радость души, которую ждет впереди следующий рубеж – Огненная река. В той реке сгорает сознание, оставляя лишь искру Изначального Огня, новой каплей пополняющую реку. А когда придет срок, сам Сварог поймает искру в ладони и вдохнет в нового младенца, впервые трепыхнувшегося в материнской утробе, – и снова выпустит в мир живых...

Струи воды уплотнились, Незвана ощутила, как ее сжимают невидимые могучие кольца змеиного тела, – он был здесь, Князь-Уж, ее покровитель. Он и не мог здесь не быть, поскольку являлся и духом, и телом, и сутью Забыть-реки, и, погружаясь в ее воды, она погружалась в него и снова сливалась с ним. Он обнимал ее руками темных струй, она чувствовала, как змеиные языки, тонкие и острые, ласкают сразу все ее тело, ощущала, как он проникает внутрь нее, в то же время крепко обнимая, как его мощь сливается с самой ее кровью, затопляет, растворяется в ней и растворяет в себе. Ни с каким из смертных мужчин невозможно настолько полное слияние, и Незвана давно уже забыла, что значит любить земного мужчину. Вся ее душа и сущность принадлежали

Зверю Забыть-реки. Это растворение в нем приносило ей наслаждение и в то же время вызывало ужас – ей мерещилось, что вот-вот эта темная вода затянет ее и растворит насовсем, не позволит вновь собраться и стать прежней... но что-то и влекло ее к этому, потому что пребывание в земном мире уже не приносило радости. К жизни ее привязывало теперь только одно – желание мести. Ради этого чувства она отдалась Зверю Забыть-реки и лишь его уберегла от вод реки забвения.

– Пришел тот час, которого ты ждала, – слышался в сознании знакомый низкий голос, хотя его обладателя она не видела, – да и были ли у нее в это время глаза? – Сварог вынул искру из Огненной реки и вложил ее в женское чрево. Это чрево – ее, той, которую ты отдашь мне. Ради этой искры оберегал ее Лад Всемирья. Замысел судьбы почти свершен. Ты уже можешь бороться с ней. А я дам тебе силу...

Просыпалась Незвана, как всегда, медленно, не сразу осознавая себя, свое тело, свое место в мироздании. Она лежала на скамье, на тощей жесткой подстилке в избе старых Мар, но все еще чувствовала всей кожей, будто плывет в плотной черной воде и он, ее могучий господин, где-то рядом. Ей не требовалось засыпать или выходить из тела, чтобы услышать его. Ей стоило только подумать о нем – и сама кровь отзывалась голосом Забыть-реки, наполняя ее мощью.

Она хорошо помнила то, что он ей сказал. И, немного осмыслив сказанное, Незвана поспешно села на лежанке – и ухватилась руками за голову, чтобы унять кружение. Темные волосы закрыли лицо, но она не убирала их, чтобы удобнее было вглядываться в иной мир.

Сварог вынул искру из Огненной реки и вложил ее в женское чрево! Это означает, что месяцев через пять где-то родится ребенок. И родится у нее – Огнедевы! Узнав об этом, Незвана мигом поняла, почему все складывалось именно так. Почему Лад Всемирья заслонял от нее Огнедеву, не позволяя причинить ей вред. Огнедеве суждено произвести на свет какого-то ребенка, который нужен Ладу Всемирья. Ради этого судьба привела ее с берегов Варяжского моря на Днепр, заставив по пути столкнуться с Незваной. И пока Огнедева его не родила, она под защитой. Не пройдет и полугода, как Лад Всемирья перенесет свою защиту на родившегося младенца, а его мать останется в полной власти своих врагов!

От возбуждения Незвана вскочила и забегала по избушке – всего-то шесть-семь шагов между стенами. В голове роились соображения и замыслы. Защита Огнедевы скоро падет. Она сейчас уже ослаблена. Ребенку нужен был отец – князь Аскольд, но в нем-то Лад Всемирья не нуждается с мгновения зачатия. Его уже можно брать голыми руками – с Той Стороны, разумеется. Его внутренняя защита тает, а значит, и внешняя недолго продержится. И все его враги сейчас в наиболее благоприятном положении.

– Ты погибнешь! – во весь голос крикнула Незвана, обращаясь к своей далекой сопернице. – Я уничтожу тебя! Теперь ты в моей власти!

И темная вода в ее душе всколыхнулась, будто уже готовая принять жертву...

Княжич Борислав очнулся и не понял, где находится. Даже на каком свете. Он помнил, как блуждал где-то в незнакомом лесу и постоянно спотыкался, – деревья там были огромными, а почва очень неровной. Руки и ноги были точно набитые шерстью, а веки – тяжелые, так что почти не удавалось их поднять и взглянуть вперед. Из-за этого он все время натыкался на стволы, но был так слаб, что даже не мог их обойти. Он знал, что за ним гонится кто-то страшный, и напрягал все силы, чтобы идти быстрее, но едва мог шевелиться.

Но потом перед ним появилась Незвана – колдунья, что уже более трех лет служила деревлянским князьям. Во сне – или там, где блуждал его дух, – она выглядела как обнаженная женщина с волчьей головой и хвостом волчицы, но он сразу ее узнал. «Иди за мной! – сказала она. – Я вынесу тебя назад, в белый свет». Он не мог даже ответить, но Незвана просто схватила его, будто мешок, закинула за спину и понесла через лес. Он видел мелькающие стволы, потом берег реки с черной водой. На берегу лежал, словно лодка, большой кудес донцем вниз. Незвана бросила Борислава внутрь кудеса, потом села туда же сама, оттолкнулась от берега, и они поплыли, причем она гребла колотушкой, как веслом. Иногда над ними проносилось что-то черное, похожее на огромных птиц, но Незвана ловко отгоняла их колотушкой – из ее волчьей пасти вырывалось рычание, глаза горели желтым огнем. Иногда по черной воде пробегали волны, будто нечто огромное двигалось в глубине, и Борислав чувствовал безумный страх, но волхва-волчица продолжала уверенно грести, и кудес скользил по реке все дальше между серо-черных, будто присыпанных углем и золой берегов. И он знал, откуда эти угли – от бесчисленных погребальных костров, что испокон веку пылали по всей земле. Они находились

в Кошном мире – там, куда унесся его дух и откуда Незвана пыталась спасти его, чтобы не дать Бориславу умереть. Так она исполняла обещание оберегать семью князя Мстислава в ином мире в обмен на то, чтобы он защищал ее в Яви.

Наконец река принесла их к берегу и Незвана вытащила Борислава, по-прежнему бессильного и обмякшего, будто мешок. «Вот ворота в земной мир. – Она показала дыру в земле. – Полезай». – «Но как же? – Борислав чувствовал такой страх перед черным отверстием, что не мог сделать ни шагу. – Ведь оно ведет вниз, а мне нужно вверх». – «Ты не рассуждай, дурень, а лезь быстрее! – гневно ответила ему волчица Незвана. – Если опоздаешь, тебя съест Зверь Забыть-реки, он давно не получал от меня жертвы! Но ты нужен мне в Яви, поэтому я вытащила тебя! Я обещала вам помощь, и я сдержу слово. Здесь же все перевернуто: чтобы попасть вверх, нужно спускаться. Ну же, лезь!»

Она схватила Борислава и бросила в отверстие. Он успел только ощутить, что падает, и...

...очнулся, лежа на спине. Осознание своего тела пришло не сразу. Ему все еще казалось, будто он движется – не то плывет, не то летит, но окружала его некая неведомая стихия – плотнее воздуха, но легче воды. Что-то вроде загустевших сумерек – не свет и не тьма.

– Опомнися! – долетел откуда-то женский голос, совсем не похожий на рык сумеречной волчицы-Незваны или даже на ее обычный голос. Чудилось, будто говорившая где-то очень далеко, но с каждым мгновением звук приближался. – Ведица, очнулся твой сокол, иди сюда скорее! Приходит в себя! С возвращением, княжич, добро пожаловать назад в белый свет!

Мягкая прохладная рука легко и ласково легла ему на лоб. Борислав заморгал, пытаясь открыть глаза, и теперь получилось лучше, чем в том темном мире, хотя и с трудом. Голова болела, в глазах двоилось, но он все же различил черты склонившейся над ним молодой женщины – красивой, румяной, в княжеском уборе. У него было такое чувство, будто волчица-Незвана бросила его в темный колодец, а эта женщина поймала на выходе, приняв с рук на руки. Но где он находится и как попал сюда, Борислав по-прежнему не понимал.

А находился он у воеводиши Елини, в избе, которую раньше занимал Белотур с семьей и которая с их отъездом в радимичский Гомий осталась пустой. Здесь

его уложили, смыли пыль и кровь и как следует осмотрели. Обошлось без переломов, но голова была разбита сильно, и поначалу он не приходил в сознание. Воеводша озабоченно качала головой: перевязать раны и смазать повреждения она могла, но вернуть улетевший дух – это кудесника надо звать.

Пока она прикидывала, кто из киевских волхвов сможет им помочь, Дивляна подошла ближе и всмотрелась в лицо лежащего. В углах рта еще виднелись следы запекшейся крови, на брови горела ссадина. Она бы могла попробовать сама, но сейчас ей было никак нельзя – сунувшись в Навий мир, она сильно рисковала душой ребенка. Ради деревянного княжича она на это не пошла бы.

И вдруг заметила, что у него дрожат ресницы.

– Очнулся твой сокол! – позвала она Ведицу. – Без кудесника обошлось, сам назад дорогу нашел!

Уже вскоре Борислав настолько опомнился, что узнал трех окружавших его женщин и даже пытался расспрашивать об участии своих людей. Тут его утешить было нечем: большинство погибло, а остальные захвачены Аскольдом вместе с товарами.

– Радуйся, соколик, что сам жив, Макошь уберегла, чурь позаботились! – утешала его Елинь Святославна. – А там, гляди, все обойдется.

До этого случая Ведица встречалась со своим нареченным женихом всего несколько раз и полюбила его больше в мыслях и мечтах, поскольку привыкла связывать свое будущее именно с Бориславом Мстиславовым сыном. Но в эти годы она столько думала о нем, столько мечтала о встрече, что теперь он казался ей близким человеком, наконец-то обретенным после долгой разлуки. Ведица почти не отходила от жениха, чуть ли не переселилась к воеводше, чтобы преданно сидеть возле него целый день, и только ночь проводила дома, потому что строгий брат присылал за ней челядь. Елинь Святославна мало вмешивалась, оставив раненого на ее попечение. Ведица всегда увлекалась зельями, а теперь ей выпал такой случай применить свою мудрость; знаний же ее для того, чтобы исцелить разбитую голову и десяток синяков, было даже более чем достаточно. Дивляна почти не видела золовку в эти дни, разве что сама приходила иной раз проведать раненого. И тогда они сидели возле него, будто три Суденицы, пряхи Макоши – Дева, Мать и Старуха. Их благоволению

Борислав был обязан тем, что его судьба, едва не приведшая к безвременному и печальному концу, вновь повернула к лучшему.

Только теперь, когда он лежал в хорошо знакомой ей избе и она сама меняла ему повязки, Ведица смогла как следует разглядеть своего нареченного. Никто не назвал бы Борислава красавцем, но это не огорчало девушку. Она готова была полюбить его таким, какой он есть, тем более что ее пылкое сердце давно уже было переполнено чувством, которое не на кого было излить. И у Борислава хватило ума и благодарности, чтобы это оценить.

– Спасибо тебе, дева, – сказал он, сжимая ее руку, когда только понял, что с ним произошло. – Дадут нам боги вместе жить... я тебя любить буду, не обижу никогда.

Ведица не удержалась от слез, услышав это, и припала щекой к льняной повязке на его голове, стараясь не потревожить рану.

– И я бы тебя любила, сокол ты мой! – зашептала она. – Да не дают нам боги счастья. Брат мой, князь Аскольд, сказал, что разрывает наше обручение. А уж как бы я тебя любила! Уж я бы какой тебе доброй женой была! Родились бы у нас деточки...

– Разрывает! – Борислав не был склонен проливать напрасные слезы, а значение сказанного невестой понял очень хорошо, несмотря на боль и тяжесть в голове. – Разрывает обручение? Он так и сказал? И люди слышали?

– Все слышали – и старейшины, и купцы, и дружина, и княгиня! Сказал, что... ну, из-за дани той... ну, Рупина, что ли, или Здвиж, я в это не слишком вникла...

Деве необязательно было разбираться в делах взимания дани, но Борислав очень хорошо знал, где чьи права. Он даже заранее, по пути сюда, был готов к тому, что киевский князь Аскольд встретит его холодно и начнет попрекать рупинской данью. Он только не ждал, как и его отец, что Аскольд воспримет этот выпад как прямой разрыв мирных докончаний и обручения.

Они рассчитывали с помощью этой небольшой ссоры вынудить Аскольда поспешить со свадьбой, но просчитались, недооценили его решимость и враждебный настрой. И вот теперь Борислав оказался в ловушке. Его люди погибли, часть попала в плен, дань и товары потеряны, да и ему самому грозит

участь заложника, раба! А в союзниках у него только бывшая невеста, любящая его из-за того, что ей страсть как хочется замуж.

Побуждаемая его расспросами, Ведица вскоре пересказала Бориславу все речи разгневанного Аскольда. Зато он узнал, что на его стороне все женщины княжьей семьи – сестра, жена и вуйка-воеводша. Небогато, но благодаря этому он находится в уютной и чистой избе, где за ним самый лучший уход, а не где-то в яме или клети с прочими пленными. Остальных деревлян, как удалось выяснить, держали в землянке Ирченея Кривого, козарина, живущего в Киеве, самого богатого из местных торговцев рабами. У него имелось особое строение для непокорных рабов-мужчин, способных сбежать, и князь поместил у него свой нечаянный полон. По слухам, он уже сговорился с Ирченеем о продаже пленных деревлян. Почти каждый день он задавал вопросы о состоянии здоровья Мстиславича, намереваясь переместить его к остальным, как только раненый поправится. Ведица и Елинь Святославна отвечали, что пленник еще плох и его жизнь висит на волоске. Но, не слишком им доверяя и опасаясь, что ценный заложник сбежит, Аскольд через несколько дней прислал кметей и велел им сторожить возле избы, где лежал Борислав. Воевода Хорт по его поручению несколько раз сам приходил проведать пленного, и тот притворялся, будто ему совсем худо. Но это не могло продолжаться вечно. Ему придется или умереть, или выздороветь, иначе Аскольд перестанет верить женщинам и распорядится по-своему.

Борислав был уверен, что его отец, князь Мстислав, этого так не оставит и пришлет ему на выручку войско. Но, во-первых, помощь могла не успеть, а во-вторых, Дивляна и Елинь Святославна вовсе не хотели увидеть деревлянское войско возле Киева! Теперь, когда смерть от ран Бориславу уже не угрожала, Дивляна не знала, что и думать, как с ним быть. Допустить, чтобы Аскольд продал его, – это верная война с Мстиславом деревлянским. Да и держать его в плену не лучше. Ведица каждый день принималась плакать о своем женихе, умоляя Дивляну что-нибудь сделать. Но что? Обращаться к Аскольду, пытаться смягчить его или взывать к его разуму было бесполезно, Дивляна не хотела и пробовать. Но что они, три женщины, могли сделать против воли князя? На кого могли опереться? Киев был полон тревожных опасений, все ждали осенью или зимой войны. Примерно возле дня Рожаниц[6 - Праздник в честь окончания сбора урожая, примерно около 8–9 сентября.] или чуть раньше ей предстояло родить, и Дивляна вовсе не хотела, чтобы это событие произошло под звуки сражения!

Был бы здесь Белотур! Или брат Велем! Они могли бы или повлиять на упрямого князя, или хотя бы придумать что-нибудь. А что они, женщина, дева и старуха, могут придумать?

– Матушка, миленькая, помоги ему бежать! – каждый день умоляла ее Ведица, вернувшись от Борислава. – Ведь погубит его князь, и останусь я колода замшелая! Вовек мне замужем не бывать, люди меня засмеют, Лада проклянет!

– Ну что ты! – утешала ее Дивляна. – Тебе ли жениха не найти!

– Да я старая уже, мне семнадцать лет, кому я нужна? Разве вдовцу какому горькому!

– Глупости не говори! Ты не простая девка, ты княжья дочь! Тебе и в тридцать лет жених найдется!

– Да не проживу я столько, и братец не даст! – Ведица заплакала. – Не хочет он, чтобы я гнездо свила, деточек вывела! Засушит он меня, в девках уморит, мне на горе, людям на позор!

Дивляна не решалась ее переубедить, понимая, что золовка права. В этом отношении и спасение Борислава мало что решало, но Ведица уверяла, что любит его и хочет помочь ему ради него самого. У Дивляны сжималось сердце, когда она видела, как озаряется внутренним светом лицо Ведицы, склоняющейся над деревлянским княжичем. Пусть она любила его просто как свой случай выйти наконец замуж, но что это меняло? Против воли Дивляна не могла не вспоминать, как ее Вольга вот так же лежал с разбитой головой, когда Велем в драке ударил его о печь, а она не могла даже подойти, сесть рядом, припасть к нему... В тот день их разлучили навсегда, и в последний раз она видела его почти таким же – бледным, бесчувственным, с закрытыми глазами, беспомощным... Не способным даже проститься с ней. Судьба не пощадила ее, и при виде горя Ведицы собственное былое горе оживало в ней. С тех пор прошло четыре года, она уехала на край света, пережила много всякого, вышла замуж и ждет вот уже второго ребенка... У нее теперь совсем другая жизнь, и та прежняя глупая девка, для которой не существовало ничего, кроме любви, казалась ей каким-то другим человеком. Но от воспоминаний и сейчас еще щемило сердце, и ради той прежней Дивляны нынешняя киевская княгиня всей душой стремилась помочь Ведице и Бориславу, помочь им найти

счастье, в котором судьба отказала ей самой.

Бориславу нужно бежать – это единственный способ спастись от плена и возможного рабства. А кроме того и спасение от неизбежной войны с деревлянами. Особенно если взять с княжича слово, что он будет всячески склонять отца решить дело миром.

Но это легко сказать – бежать! Пятеро княжеских кметей день и ночь сторожили во дворе воеводши, сидели у дверей избы, где лежал раненый, несколько раз в день заходили глянуть на него. Ведица кормила свою куколку, шепталась с ней, прося совета, и однажды предложила: можно положить на место Борислава другого человека, ведь под повязкой его лицо видно очень плохо, а в земляной избе полутемно. Кого – другого? Да кого угодно, холопа какого-нибудь!

– Но еще ведь самого Мстиславича надо хоть со двора вывести, – отвечала Елинь Святославна, опасливо оглядываясь и качая головой. – Как тут выведешь? Они все его в лицо знают.

Они сидели здесь все втроем, а Дивляна еще привела с собой свою трехлетнюю дочку Предславу, и та играла на полу с цветными лоскутками. В другое время Ведица охотно бы к ней присоединилась и помогла сворачивать из лоскутков «лелёшек»[7 - То есть кукол.], но сейчас у нее были заботы поважнее, и она сидела, держа на коленях собственную куколку, от которой ожидала совета.

– Может, переодеть его как-нибудь?

– Лицо-то не переоденешь. Да и что ему одежда, он и так, будто сирота, в портках некрашенных ходит.

Три женщины умолкли, вздыхая: ничего не шло на ум. Тут в сенях послышался шум: кто-то стучал в дверь.

– Дома ли хозяйка, Елинь Святославна свет? – раздался веселый голос. – Дозволит ли войти?

– Пусти! – кивнула воеводша челядинке, и та метнулась открывать.

В избу вошел, кланяясь женщинам и чурам на полочке в красном куту, молодой еще мужчина, среднего роста, с очень светлыми волосами и белесыми бровями, с приятным лицом, открытым и дружелюбным. Одет он был очень хорошо: в крашенные порты, козарский кафтан с отделкой из желтого шелка. На шапке, которую он снял при входе в дом и держал в руке, имелась оторочка из куницы, а надо лбом были пришиты бронзовые узорные бляшки – такие шапки носили в землях смолянских кривичей, откуда он был родом.

– Званец! – При виде него Дивляна радостно всплеснула руками, да и лица остальных прояснились. – Вот и ты наконец! Что так долго не заглядывал? Как жена?

– Да вроде пока не на что жаловаться. – Званец оглянулся, словно проверяя, не подслушивает ли какой злой дух. – Тебе кланяется и просит не забывать. Я ведь у тебя был вчера, да не застал. И сегодня говорят: у воеводши. Дай, думаю, к воеводше наведаюсь, сразу всех повидать.

– Мог бы и вчера додуматься. Умник! – проворчала Елинь Святославна.

Званца Дивляна знала со времен своей поездки из Ладоги в Киев: родом с верховий Днепра, он присоединился к ним по дороге, сперва был в дружине Белотура, потом начал торговать и так разжился, что уже два года как поставил себе двор и женился на младшей из десяти дочерей киевского старейшины Угора – Улыбе. Во время прошлогоднего похода в Корсунь жена в отсутствие мужа вздумала рожать и чуть не умерла; обошлось, в основном стараниями Елини Святославны и Дивляны, но Званец, вернувшись, очень перепугался, когда узнал, что мог бы лишиться и ребенка, и жены, даже с ней не простившись. Поэтому, когда оказалось, что в конце этой весны ей предстоит родить снова, он пропустил первый обоз на Царьград, надеясь успеть на второй, уходивший в середине кресеня. А не успеет, так и в Киеве забот хватит. Весной он торговал мехами, покупая их у охотников или северных купцов и продавая уходящим в греки, осенью – зерном и вином, уже в обратном направлении, и с каждым годом мог становиться вдвое богаче, не выходя из дома. Чрезвычайно выгодное местоположение Киева позволяло это: сюда стекались товары с юга и с севера, здесь меха, зерно, мед, воск встречались с греческими тканями, козарским серебром, бусами и всем прочим. Недаром же и варяги, и деревляне так стремились завладеть этим городом и всеми богатствами, которые здесь можно было приобрести. Благодаря им, киевские князья уже давно считались не менее сильными и влиятельными, чем деревлянские или саварские, хотя имели

под рукой гораздо меньше земли и людей.

Но сейчас от богатства было мало толку, зато очень могли пригодиться сообразительность Званца, его ловкость и преданность людям, которым он был всем обязан. Поэтому Дивляна охотно посвятила его в суть дела, прося о помощи. Званец призадумался.

– Да уж, был бы сейчас Корочун, нарядили бы его бабой, или игроцом каким, или зверем, – сказал он, почесывая в затылке. Его лицо с мягкими чертами имело простодушный и даже простоватый вид, но на самом деле он был довольно умен и соображал очень хорошо. – Да какое теперь – и до Купалы еще далеко.

Действительно, в ближайшее время не ожидалось велик-дней, в которые принято рядиться и надевать личины.

– Говорят, полотеские князья в волков умеют оборачиваться, – сказала Дивляна. – Что, Мстиславич, ты не умеешь волком перекидываться?

– В битве – умею, – ответил лежащий на лавке Борислав, не поворачивая головы. Ведица охнула. – Волком себя чувствую, врага зубами грызу и руками рву. Но снаружи человеком остаюсь. Все оборотни такие. Чтобы целиком в зверя оборотиться – это все басни, так не бывает.

– А жаль! – Дивляна вздохнула. – Умел бы ты...

– А люди верят, – заметила Елинь Святославна. – Уж сколько я басен и сказок знаю про оборотней! И не перечеть.

– И я слышала, что деревляне умеют волками и медведями оборачиваться, – сказала Ведица. – Может, все-таки есть где-нибудь волхв, чтобы мог тебя в зверя превратить, а? – Она с надеждой посмотрела на своего злополучного жениха. – Подумай, миленький! Может, хоть кто-то у вас умеет! А уж мы найдем, пошлем кого-нибудь...

– Никто не может. – Борислав осторожно покачал головой – от резких движений она еще болела. В целом он был уже вполне здоров, но притворялся чуть ли не умирающим. – Говорю же, не бывает так. Я отроком в лес ушел и там жил

семь лет, все тайны, все умения воинские и охотничьи превзошел, умею в себе дух зверя пробудить и отца-волка призвать. Волчью шкуру воины-волки на плечах носят, но чтобы целиком зверем стать – такого не бывает.

– У нас в Ладого рассказывают, будто чудинские кудесники могут в зверей обращаться, – сказала Дивляна. – Но я сама не видела, и никто у нас не видел. Может, тоже басни одни?

– Стойте! – воскликнул вдруг Званец, который во время этой беседы сидел, нахмутив свои белесые брови и напряженно что-то обдумывая. – Поймал!

– Что поймал? – Женщины обернулись к нему.

– Опять мышь? – Елинь Святославна прищурилась, окидывая взглядом пол.

– Мышь поймал за хвост! – Званец повертел головой, с торжеством оглядывая своих слушателей. – Оборотень! Весь Киев знает, что деревляне могут в зверей превращаться и что колдунья неведомая в Коростене завелась, а она каждую ночь в волчицу лютую перекидывается и людей грызет. А басни ли это, никто не знает, а кто знает, тот не верит. Даже вы вон не верите, что же с простого люда спрашивать! Но в том-то и наше счастье!

– Где же тут счастье? – недоверчиво спросила Ведица.

– А то самое. Люди верят, что деревляне могут зверями обращаться. И тем более верят, что ты сможешь, Мстиславич, раз уж ты в лесу семь лет у самого лешего обучался и все лесные хитрости превзошел!

– Не у лешего, а у Одинца! – поправил Борислав. – Это человек, но в нем Белый Князь Волков живет, а он от людей навек ушел и никогда из леса не показывается, зато и сила ему от Велеса и Ярилы дана сверх человеческой.

– Вот и прекрасно! – Званцу не было нужды вникать, но звучало все очень внушительно. – Я про это сегодня же на Подоле невзначай упомяну, пусть болтают. И жене накажу, чтобы бабам своим и сестрам в великой тайне поведала, – завтра все до одного будут знать аж до самых Дорогожичей!

Пришелец из смолянских земель верхнего Днепра, Званец был силен жениной родней: у его тестя, старейшины Угора, имелось ровно десять дочерей. Причем все уже были замужем и у старших подрастали свои дочери. «Угоровы девки» славились бойкостью и сплоченностью: то, что знают они, завтра будет знать весь белый свет.

– Ну, уж коли Угоровы девки возьмутся языками чесать, точно до Переяславля дойдет! – согласилась Елинь Святославна. – А толку?

– А ты, Мстиславич, тем временем в волка превратишься!

– Это как? – Борислав приподнялся на локтях, повернулся к нему и нахмурился. – Говорю же – не могу я...

– А ты не говори! Неважно, что ты можешь или нет, важно, что об этом люди думают! Пустим слух, что ты в волка превратился и волком убежал. А волка я достану. Не жар-птица, чай.

Уразумев, о чем он ведет речь, женщины просияли, радостно закричали и сами себе зажали рты, чтобы не услышали во дворе; Ведица даже бросилась целовать Званца, и Борислав просветлел лицом. Замысел выглядел безумным, но все же давал некую надежду на успех. Тем более что ничего другого у них не было.

Стояла полночь, везде было тихо, лишь луна плыла над землей, и вода Ужи отвечала ей тысячами мигающих отблесков. В глубине Мариной рощи тлел огонек. Это место называлось Круг Черного Огня – довольно широкое пустое пространство, вытопанное сотнями ног, а в середине – огромное пятно черной прокаленной, смешанной со старым углем и золой земли. Здесь устраивали краду – погребальный костер, отсюда Незвана потом, когда кострище остынет, собирала остатки костей умершего, обгоревшие обломки всех даров, что ему давали с собой, укладывала в горшок, который потом несли на жальник и там хоронили под курганом. Остатки золы она выметала и выгребала отсюда, пользуясь особой метлой и совком, к которым ни один человек ни за что на свете не решился бы прикоснуться, – ведь это были орудия самой Марены, до краев переполненные ее черной мертвящей силой. Незване достаточно было появиться где-нибудь с этой метлой в руках, чтобы самые сильные мужчины, вооруженные лучшими козарскими мечами, бежали от нее в страхе, – против силы Марены

бессильно человеческое оружие.

Как она жалела, что не успела схватить какое-то из подобных орудий в тот давний день на Марином Кругу, в Ужицких болотах, возле погребального костра голядского воеводы Жиргаса, в земле племени голядь, где она впервые повстречала ладожскую Огнедеву, тогда еще незамужнюю! Она могла бы лишь слегка прикоснуться к Аскольдовой невесте метлой, или кочергой, или совком погребального костра – и та погибла бы, лишилась бы своей силы, умерла, не доехав до жениха! Но проклятая девка тогда оказалась проворнее – она сама схватила с крады один из топоров, который родичи дали Жиргасу с собой в дальний путь, и набросилась на Незвану. Вспоминая об этом, колдунья снова потерла плечо, где под сорочкой до сих пор скрывался шрам, и стиснула зубы, едва не шипя от злости.

И тут же засмеялась. Победы Огнедевы позади, теперь все будет по-другому. Все уже изменилось. Нерожденный ребенок пока защищает киевскую княгиню, но Незвана начала свою работу, ослабляя противницу в тех областях, которые сделались доступны ей.

И первой такой областью стал муж – князь Аскольд, после зачатия ребенка не нужный Ладу Всемирья. Незвана могла бы наслать на него губительную порчу, смертельную болезнь, но не стала делать этого сразу. Мужскую работу лучше предоставить мужчинам – и она лишь пообещала князю Мстиславу, что в случае войны он теперь легко одолеет Киев. А сама пошла в рощу и сломала на дубу ветку и бросила в воду.

– Пойду я во зелену рощу, сломлю на дубу ветку крепкую! – смеясь, творила она заговор, который отнимал мужскую силу князя Аскольда. – И как той ветке не стоять, не расти, так и ярая жила Аскольда сына Дира не восстанет, не воспрянет на женскую плоть, на белое тело! Созываю я сорок синцов, сорок игрецов, чтоб хранили мое слово сильное во веки веков!

И ворожба ее достигла слуха Матери Мертвых: мужская сила Аскольда больше не требовалась Ладу Всемирья. Но этого было недостаточно. Мало того что киевский князь не сможет больше любить свою жену, – он должен ее возненавидеть! И для этого Незвана знала множество способов. Наводить разлад между мужем и женой можно по-всякому: на шерсть с коровьего хвоста и бараньего хвоста, на траву «собачий зуб», на иглы сосновые и иглы еловые, на паутину. Подобрал два камня на перекрестке двух троп – черный и белый, –

она принесла их в Круг Черного Огня, туда, где все бывшее живым уходит во власть Коштной Матери, положила на черный платок и окурила дымом горящих трав.

– Как сии камни на разных дорогах лежали, друг друга не знали, так и Дивомиле, Домагостевой дочери, с Аскольдом, Диловым сыном, в добре не жить, вместе не быть, – шептала она, отодвигая камни один от другого. – Пусть будет между ними сор да разор, ненависть да позор!

Осыпав камни пеплом сгоревших трав, она разрешила платок, завернула камни каждый в свою половину, а потом отправилась к Уже.

– Сорок синцов да сорок игрецов я призываю, им вашу судьбу злую вверяю! – провозглашала она, стоя на одном из далеко вдающихся в воду валунов, на грани стихий, и высыпая пепел трав в реку, которая должна была отнести проклятье по назначению. – Лад да покой – из дома долой, грызня да раздор – в дом! Как камни крепки, так мое слово крепко, а кто из реки всю воду вычерпает, тот мое слово своим превозможет!

И Ужа, принимая порчу, несла ее к Днепру, к порогу ненавистного дома. Лунные блики играли на поверхности воды, будто подмигивал Незване сам Князь-Уж, чье имя носила река деревлян.

Глава 3

На то, чтобы достать живого волка, у Званца ушло еще пять или шесть дней. Это не составило бы труда, поскольку он имел множество знакомых среди охотников, но случай требовал сохранения тайны, поэтому Званцу пришлось съездить куда-то чуть ли не к Переяславлю. А в то, что он там наплел, объясняя, для чего ему нужен живой волк – дескать, чтобы принести в жертву Яриле по особому тайному поводу, о котором он не может говорить, – Дивляна не вникала, полагаясь на его сообразительность. Тем временем приблизилось полнолуние, так что задержка оказалась даже кстати. Ведица плакала полдня, жалея о скорой разлуке с Бориславом и опасаясь, что их попытка провалится. У Аскольда, видевшего ее слезы, был мрачный вид, но его решимость непременно затеять войну с Мстиславом деревлянским оставалась крепче

камня. Он даже послал людей в Ладогу, к родичам Дивляны, с предупреждением, что осенью или в начале зимы ему понадобится военная помощь. Дивляна была возмущена: ради своей вздорности он собирается отправить в битву ее родных братьев! Одно ее утешало: если ее братья во главе с Велемом будут здесь, возможно, все еще наладится. К Белотуру в Гомье Аскольд тоже послал с этой же просьбой, и Дивляна ожидала в скором времени приезда его самого. Это ожидание их подбадривало: если Белотур и не сумеет в очередной раз помирить Аскольда с Мстиславом, то во всяком случае поддержит двоюродного брата и поможет избежать большой беды.

Лучшие люди полянских родов, жившие в Киеве и поблизости, часто собирались в княжьей гриднице – так киевляне называли большую, шагов на сорок в длину, избу, которую выстроил еще старый князь Дир для дружины, пиров и совета; он называл ее словом «грид». И пленение Борислава, и даже злополучная рупинская дань были только поводом, как понимала Дивляна. Племена полян и деревлян состояли между собой в ближайшем родстве, в их образе жизни, обычаях и языке не было почти никаких различий. Среди деревлян бытовали предания о том, что прародители полян были деревлянского корня и ушли «в поля» из деревлянских лесов в поиске свободного места для жизни.

В далекие прежние времена поляне платили дань деревлянам как старшему племени, пока не окрепли и не сбросили с себя зависимость, которую деревляне потом неоднократно пытались вновь на них возложить. В последнее время Киев от защиты перешел к нападению и стремился подчинить себе обширную область, где жило много пахарей и охотников. А заодно и навсегда покончить с угрозой. В те годы, когда киевскими княгинями были дочери уличского князя, деревляне притихли. Теперь же Аскольд, подкрепленный родством с ильмерскими словенами и радимичами, чувствовал себя в силах покончить с вечным противником. Многие знатные полянские роды, рассчитывая на полон и добычу успешного похода, поддерживали его в этом. Другие сомневались: у деревлян ведь тоже имелись союзники, да и сами они – племя многочисленное и воинственное. Все понимали одно: разгром купцов и пленение младшего сына Мстислав деревлянский им не простит. Одни лишь стремились к тому, чтобы с этим заложником на руках напасть на Мстислава, пока он не смеет сделать этого сам, а другие надеялись ценой освобождения Борислава расширить пределы подвластных Киеву земель.

– Да ведь если мы теперь им Мстиславича живым отдадим, то на другой год Мстислав опять войной пойдет и все, что на сей раз уступит, назад отобьет, да еще и наше прихватит! – убеждал миролюбивых соплеменников воевода Хорт. – Коли повадится волк в овчарню, так не уймется, а деревлянские волки

уже сколько веков полянам известны!

А Киев, несмотря на все эти тревожные ожидания, жил обычной жизнью. В теплое летнее время постоянно прибывали обозы из разных земель: от кривичей, радимичей, саваров, дреговичей и волынян, от уличей и тиверцев, от чехов, ляхов и еще каких-то западных племен, которые Дивляна до сих пор не научилась различать. Появлялись козары, даже греки. Нередко купцы являлись к ней на поклон, приносили подарки, прося о покровительстве. Многие хотели знать побольше о войне с деревлянами, слухи о которой уже разнеслись по свету. Но Дивляна ничего определенного сказать не могла. От самих деревлян никто не появлялся, а ведь князь Мстислав не мог не знать о судьбе своего сына. И эта тишина была недобрым знаком. Сейчас – весной, летом и осенью, – когда все силы брошены на полевые работы, воевать, конечно, никто не станет. Но раз Мстислав не прислал никакого посольства и не попытался решить дело миром, это означало только одно: после дня Рожаниц, как только снопы будут свезены в овины и обмолочены, он прикажет собирать войско и поведет его на Киев.

Нередко Дивляна сомневалась, правильно ли поступает, пытаясь вырвать из рук Аскольда его главное оружие. В юности она ради своей любви пошла наперекор собственному роду, теперь нарушает волю мужа, но уже ради любви чужой. Перечить и противиться мужу – большой проступок. Тем более для княгини, обязанной хранить лад и родовой закон не только в своей семье, но и в племени.

– Если Борислав сбежит, что изменится? – шепотом говорила она старой воеводше Елини, пытаясь разобраться. – И до него еще князь воевать хотел. И с ним, и без него будет рать. Воевода Хорт правду говорит: если на этот год князь за Борислава какие-то уступки купит, то на следующий год Мстислав все назад отобьет. А не отдадут княжича, погубят его или будут у себя держать – Мстислав придет за ним. Все равно рати не избежать! А так хоть парень жив останется. И Ведицу жалко, вон как девка убивается. Я тоже так убивалась... – Она опустила глаза. – Только мне не помог никто... Сделала я все как надо, вышла за того, кого отец указал, родовой закон исполнила... Да только Ладе не поглянулось, нет в моей семье согласия, и сколько я ни билась, не получается ничего. Пусть хоть у нее получится. Без бед никому не прожить, но с милым и беды переносить легче, чем как я...

– Не падай духом, горлинка! – Елинь Святославна ласково потрепала ее по плечу. – Может, еще взглянет на тебя Лада приветливо. Согласие тоже,

бывает, дело наживное.

- Да где уж тут...

Дивляна все яснее понимала, что счастья в жизни ей не видать, и от этого делалось так страшно, что смотреть в будущее не хотелось. Аскольд обращался с ней все холоднее, делался все более равнодушным и чужим. Да и она, как ни старалась, не смогла вызвать в душе даже четверти тех ярких и горячих чувств, которые когда-то возникли сами собой, стоило ей лишь встретить Вольгу. Тогда любовь расцвела в душе, как весенний цветок, вспыхнула, как огонь, вопреки всем обстоятельствам, а теперь... Дивляна вспоминала предсвадебные приметы, не обещавшие счастья в семье, и понимала, что они оправдываются. Никак не получалось смириться с мыслью, что она должна прожить жизнь в несчастье. Она - Дивомила Домагостева дочь, красавица, которую дома, в Ладого, все так любили... Неужели ее ждет участь нелюбимой, а то и заброшенной жены? Она не верила, не хотела верить, что это возможно. Вот родится у нее сын, и тогда Аскольд если не полюбит ее снова, то хотя бы будет вынужден больше считаться с матерью своего единственного настоящего наследника. К тому же Аскольд разгневал богов, напав на того, кто пришел к нему как гость. И исправив причиненное зло, она хоть частично искупит вину своего мужа.

В день перед полнолунием к воротам старой воеводши подошли два кола, груженные мешками. Званец привез припасы, нужные для скоро ожидаемых пиров в честь Ярилы, в том числе большую бочку меда. Людей, кроме хозяина-купца и двух холопов-возчиков, при поклаже не было, и Аскольдовы кмети легко пропустили их. Один даже снял пальцем застывшую каплю меда с щели под крышкой бочки, лизнул и зажмурился: хороший мед, вересковый! Вот когда те же колы выезжали обратно, кмети, как им и было приказано, осмотрели их со всем вниманием. Но осматривать было нечего: повозки ехали пустые, только валялось чуть-чуть соломы на дне, где не спрятаться и мыши, и оба холопа, старик с кривым боком и тощий прыщавый отрок, ничуть не походили на княжича Борислава. Никакого подвоха не было, и кмети сразу забыли об этом незначительном происшествии.

Старая хозяйка была дома одна, Ведица и Дивляна ночевали у себя на княжьем дворе. Темнело, все затихало. Смолк шум на Подоле, торговые гости разбрелись к своим лодьям и шатрам, раскинутым поблизости от товаров, только костры сторожей бросались в глаза, если смотреть сверху, с гор. Выходила полная луна, бросая дрожащие золотистые ковры на воду Днепра. Днепр, большой торговый

путь, все более важный с каждым годом, вдруг стал дорогой не в греки или варяги, а на Ту Сторону, в Навь, ибо туда, на запад, в Закрадный мир, течет всякая река, большая и малая...

Весь вечер Дивляне и Ведице стоило большого труда вести себя как обычно. Ведица не выпускала из рук свою куколку и все шепталась с ней, а Дивляна шила, стараясь сохранять невозмутимый вид. Задолго до полуночи она легла спать, но не могла заснуть, невольно прислушиваясь к ночной тишине, хотя и понимала, что в такой дали не сможет расслышать никаких звуков со двора старой воеводши. Даже когда Аскольд пришел из гридницы, улегся рядом с женой, которая притворялась спящей, и сам заснул, она еще долго лежала без сна, пытаясь вообразить, что сейчас происходит на Щекавице.

Она думала, что придется ждать до утра, но вести пришли еще ночью. После полуночи поднялся переполох – кто-то прибежал и замолотил в ворота княжьего двора с такой силой, будто хотел возвестить о пожаре или набеге.

– Что там? – Дивляна вскинулась и толкнула Аскольда. – Исполох, будто русь... то есть козары пришли!

– Милко! – крикнул Аскольд. – Поди узнай!

Поднялась челядь, потом кто-то вбежал в истобку, где за занавеской спали князь и княгиня. Аскольд к этому времени уже откинул занавеску и сидел на лежанке, хмурясь и протирая глаза.

– Княже, княже! – вопил Вечерко, один из кметей, отряженных сторожить Борислава. Вслед за ним вбежал кто-то из челяди с факелом.

– Что такое? – Князь, в сорочке, соскочил с лежанки, чуть не сорвав занавеску. Он не ждал никаких добрых новостей, а полная луна и в нем вызывала неприятное тревожное чувство.

– Оборотень! – орал Вечерко, всклокоченный и в разорванном плаще, с вытаращенными глазами. – Оборотень он!

– Кто?

– Мстиславич! Оборотился! В волка перекинулся! Говоруху и Дрозда порвал, не знаю, живы ли! Сам я едва ушел! Оборотень! Говорил я, что оборотень он!

С полатей соскочила Ведица, в длинной белой рубашке и с растрепанной косой очень похожая на русалку.

– Что, что такое? – кричала она. – Что случилось?

– Говори толком! – Аскольд взял Вечерко за рубаху на груди и потрянул. Его лохматые рыжие брови гневно нахмурились: он уже понял, что стряслось что-то очень нехорошее. – Откуда там оборотень? Ты не пьян?

– Да откуда – нам воеводша не наливала. А оборотень – это сам он, Мстиславич! Полнолуние же – вот он в волка и обернулся! Они, деревляне, все оборотни! Он полнолуния ждал – в силу вошел, волком обернулся и убежал!

– Убежал? – ахнула Дивляна, выглядывая из-за занавески и прикрываясь ею, чтобы дворовая челядь и кмети не смотрели на неодетую и неприбранную княгиню.

А народу уже набилась полная истобка – все полураздетые, лохматые, моргающие со сна, перепуганные и недоумевающие. Принесли несколько факелов, но Дивляна велела их убрать и зажечь светильники, чтобы не подпалили в суете утварь и волосы друг другу.

– Кто убежал? – рявкнул Аскольд, при этом слове придя в непривычное для него яростное возбуждение.

– Так оборотень же! В волка оборотился! Дрозда порвал, Говоруху куснул! Сам я еле вырвался, прямо возле носа зубищи лязгнули! Зверь, говорю же, зверь!

– Сейчас я сам тебе лязгну! – Аскольд в гневе схватил его за шиворот. – Я тебе покажу зверя! Из шкуры вытряхну!

– Что я сделаю! Смилуйся, княже! – вопил Вечерко, болтаясь в его руках. – Смилуйся! И так чуть жив ушел!

– Где Живень? – Аскольд бросил его, и Вечерко рухнул на земляной пол, будто его не держали ноги.

Живень, старший дозорного десятка, появился чуть позже. Вид у него был не лучше – рубаха порвана, рука наспех замотана окровавленной тряпкой. Причем на руке, когда тряпку размотали, обнаружили следы настоящих волчьих зубов, хорошо знакомые каждому ловцу. Еще повезло, что зверь куснул его походя и лишь слегка порвал мышцы, а ведь мог бы мужик и без руки остаться.

Как он рассказал – и его рассказ подтверждали другие кмети и домочадцы старой воеводиши с ней самой во главе, – после полуночи все они были разбужены громким волчьим воем. Причем раздался он совсем рядом, буквально тут же, в доме! Вой звучал снова и снова – яростный и грозный. Торопливо зажигая огни, сталкиваясь друг с другом, домочадцы не знали, что им делать: то ли искать, где и кто воет, то ли бежать. Говоруха первым бросился в бывшую Белотурову избу, где лежал Мстиславич, – вой доносился оттуда. Но едва он толкнул дверь в сени, как на него набросился настоящий волк. Метил вцепиться в горло, но кметь успел прикрыться рукой, и зубы впились в руку. От толчка кметь упал, а волк, немедленно его оставив, метнулся в темноту. Еще двое пытались его задержать, но впотьмах, при неверном свете луны, ни один выпад не достиг цели, а зверь бросился к воротам и исчез. Как и почему ворота оказались открыты, никто не знал, поскольку кмети запирали их изнутри и несли службу во дворе. Отнесли на счет того же колдовства. Если человек может обернуться волком, что ему мешает колдовством открыть ворота? Побуждаемые смелым и бывалым Живенем, кмети и поднятые по тревоге соседи пытались преследовать волка между дворов, но где там! Он будто растворился во тьме, что, впрочем, сделать было нетрудно. Дворы и дворики на вершине Щекавицы стояли как попало, перемежались пустырями, а в зарослях кустов на крутых склонах, изрезанных оврагами, и днем не вдруг кого найдешь. Короче, волк исчез, будто провалился. В Белотуровой избе, на лежанке раненого деревлянина, нашлись брошенные повязки, а также одежда – рубаха и порты. И никого, само собой.

Поднялась чуть ли не вся Щекавица. Неведомыми путями по спящим мазаным избам разлетелись слухи о нашествии целой стаи оборотней. Тревожные ожидания войны с деревлянами, подкрепленные рассказами о том, что все они оборотни, сделали свое дело. Стоял крик, везде носились белыми тенями перепуганные люди в одних сорочках, мелькали факелы, отражаясь в лезвиях

топоров и рогатин, приготовленных мужиками для встречи злыдней. Говорили, что из древлянских лесов примчалась на волчьих лапах целая дружина, чтобы освободить княжича Борислава. Люди метались в поисках ужасного врага, и слава чурам, что не порубили в суматохе друг друга. Заливались лаем псы, тревожно мычала скотина в хлевах. И полная луна озаряла этот переполох, увеличивая всеобщее смятение.

Успокоились только к утру, когда убедились, что никакие оборотни из тьмы не нападают, а единственный волк, которого на самом деле видели, исчез в неизвестном направлении. Но Аскольд не успокоился и дружине своей покоя тоже не дал. Поначалу дрогнув при вести о волках-оборотнях, он быстро понял главное: его знатный и ценный пленник исчез! И это было самым важным. Человеком или волком, тот не мог уйти далеко, и Аскольд приказал искать. Пообещал гривну серебра тому, кто доставит беглеца живым или мертвым. Связываться с оборотнями охотников нашлось не много, но дружине деваться было некуда. Едва рассвело, как лодьи двинулись вверх по Днепру в сторону устья Тетерева, а посланные верхом и пешком рассыпались по дорогам. Сам Аскольд возглавил погоню по воде, а воевода Хорт – по суше. И Дивляна с Ведицей весь день не находили себе места, хоть и знали, что на Днепре и на дорогах беглеца едва ли поймут, – не напрасно же Борислав хвалился, что семь лет провел в чаще, обучаясь тайным премудростям воинов-волков. Впрочем, спокойных в Киеве было в этот день мало и никто не удивлялся их волнению.

Вернулись князь и воевода уже в темноте, почти ночью, – конечно, с пустыми руками, хотя и застрелили трех волков, шумом согнанных с дневной лежки. Но то были обычные волки, и под их шкурами человеческих тел не обнаружилось, – а ведь известно, что если с оборотня снять шкуру, то под ней окажется человек. Дивляна едва посмела задать мужу вопрос: ну как? – но он так глянул на нее, что она в испуге отпрянула. До утра она не спала от беспокойства, почти жалея, что во все это ввязалась. Если бы Аскольд точно знал, что она причастна к бегству пленника, он бы уже сказал ей об этом. И вряд ли бы все ограничилось одной руганью – она ведь знала, как важно для Аскольда иметь заложника из рода древлянских князей. Он молчал, а значит, ничего не знал. Но догадывался. И в этом она убедилась довольно скоро.

Путру в гриднице, как и вчера, толпилось множество людей – старейшины, торговые гости, простые жители Киева. Всем хотелось знать, что удалось

выяснить и чем кончилось дело. На все лады толковали про оборотней – уже все знали, что их было двенадцать, а возглавлял их сам Белый Князь Волков, который и укусил Живеня. Поскольку Живень уехал на поиски с князем, вчера этот слух было некому опровергнуть. Во дворе старой воеводши второй день было не протолкнуться от гостей, всему Киеву до смерти хотелось посмотреть на место, где ночью разыгрались такие дивные события. Когда спрашивали Елинь Святославну, она только всплескивала руками:

– Ой, да что я знаю – в глазах от страха потемнело! Видела волка, может, их десять было, может, двенадцать, не знаю, спасибо чурам, что жива осталась, что не порвали меня, старую, в клочки!

И все уходили в убеждении, что Елинь Святославна подтвердила самые жуткие рассказы.

Возвращению князя без добычи никто особенно не удивился.

– Ушел оборотень! – буркнул встречавшим хмурый воевода Хорт. – Кабы догадаться... В волчью бы яму его... Да кто же знал?

Аскольд вообще отмахнулся и промолчал. Дивляна надеялась, что и с ней он тоже не захочет говорить о злосчастном происшествии, но напрасно.

– Пусть в Киеве думают, что этот синец оказался оборотнем! – сказал ей Аскольд на следующее утро, перед тем как идти в гридницу. – Но кем бы он там ни был! Если бы ты не придумала лечить его, он бы сидел сейчас в яме и мог бы превращаться в кого угодно!

– Изба была заперта, ворота двора тоже, – робко произнесла Дивляна, все же решившись защититься. – Он раскрыл их колдовством. Он и из ямы выбрался бы, раз уж у него оказались такие силы...

– Молчи! – с гневом и презрением прервал ее Аскольд. – Чтобы открыть ворота, колдовства не нужно. Кто-то хотел, чтобы деревянник ушел! Ты этого хотела! И ты! – Он обернулся к Ведице. – Но учти: женой его тебе не бывать! Если он теперь явится сюда с целым войском, я скорее сверну тебе шею, чем ему отдам! А ты... – Он вновь повернулся к Дивляне и упер руки в бока. – Ты... Если я узнаю хоть что-то о том, что ты помогаешь моим врагам... Благодарю Макошь, если я

верну тебя твоим родичам живой.

– Я ношу твоего ребенка! – Дивляна оскорбленно вскинула голову и положила руку на живот. – Твоего сына и полноправного наследника. Ты не должен так обращаться со мной, если не хочешь, чтобы твой род сгинул без следа, а мои родичи объявили тебе войну! Или у тебя есть другие преемники, которым не стыдно передать киевский стол?

– Если бы они у меня были, тебя бы здесь давно не было! – рявкнул Аскольд. Поначалу его смутил ее напор, но он быстро пришел в себя. Он завел этот разговор для того, чтобы обвинять, а не защищаться. – Ты слишком хитра для того, чтобы стать хорошей женой. Я не хочу выглядеть перед людьми дураком, которого провели бабы и девки его собственной семьи, поэтому пусть в Киеве думают, что Мстиславич обернулся волком. Но я не так доверчив! Если бы я мог доказать... но, может быть, еще смогу! А пока... Вы обе будете сидеть дома. Вы носа не высунете за ворота, и даже к старой воеводше вам таскаться незачем. И ее я прикажу сюда не пускать!

– Но она сестра твоей матери! – в возмущении воскликнула Дивляна, в то время как Ведица принялась горько рыдать. – Ты не можешь не пустить ее в дом!

– Это мой дом, и я решаю, кому сюда входить! Тот, кто помогает моим врагам, – мой враг, пусть он мне хоть трижды родич! Запомните это!

Обе женщины смотрели на него в изумлении, отодвинувшем даже обиду, – им казалось, что князь сошел с ума. То, что он говорил, было невообразимо, невысказанно! Как можно отречься от старшей родственницы по матери, тем более что она много лет была старшей женщиной его рода и заменяла ему мать? А родство с ее предками дало власть и Диру, и Аскольду.

Дивляна ничего не ответила, но про себя подумала: он никогда не сказал бы так, если бы не поклонялся греческому и варяжскому богу по имени Христос. И не случайно он с таким презрением относится к древним обрядам, тем, которыми люди не только выражают почтение родной земле и богам, но и которые помогают им в трудном деле обновления Всемирья. Но если он, князь, отказывается делать это, на что надеяться племени полян?

Прошла еще пара недель, все было спокойно. Слухи насчет оборотней поутихли, все шло своим чередом. Начался русалий месяц кресень, приближался Ярила Сильный – велик-день, когда молодого бога чествуют в срок наивысшего расцвета его силы. Кукушка в лесу кричала как сумасшедшая – покричит, передохнет немного и опять за свое. Девушки киевских гор и округи целыми днями пропадали в рощах и борах – носили подарки и угощения русалкам, водили круги возле берез, пели песни. Иной раз звонкое пение долетало до вершины Княжьей горы, но Дивляна и Ведица, слушая его, могли лишь вздыхать. Аскольд сдержал слово – с тех пор как Борислав, якобы обернувшись волком, бежал из-под стражи, он не позволял жене и сестре выходить со двора. Правда, на самом деле не пускать на порог Елинь Святославну, как грозился в сердцах, он не посмел, но обращался с ней неприветливо – едва кивнет, буркнет что-то под нос и отойдет. Обиженная воеводша вовсе бы не показывалась на княжьем дворе, но не хотела бросать Дивляну и Ведицу. Беременность молодой княгини становилась все более заметна, за ней требовался присмотр и уход, а Ведица, которая хоть и жалела ее, сама ревела целыми днями.

– Все девки в роще гуляют, русалкам песни поют, венки плетут, а я сижу тут одна, как колода замшелая! – причитала она, жалуясь на судьбу. – Не будет мне милости от Лады и Лели, не дадут мне жениха, так и пропаду, вся в слезы изойду! Стану я быстрой реченькой, утеку к морю Греческому! Придет мой братец на бережок, станет топтать желтый песок – мое тело белое, черпать воду студеную – мою горячую кровь, трепать траву водяную – мою русую косу. И тогда скажу я ему: ой ты, братец мой любезный, за что обидел, погубил меня, красну девицу! Я ли не твоего роду-племени, я ли не дочь твоих отца-матери? Я ли тебе была неприветлива, непокорлива?

Обученная искусству красного слова, как полагается деве высокого рода, Ведица причитала, будто песню пела, так что челядь, бывало, заслушивалась под окном, и даже парни утирали невольные слезы грязными рукавами потрепанных рубах. Аскольд злился, втайне стыдился, но не сдавался. А народ роптал. Отсутствие Ведицы на девичьих русальных гуляниях всеми было замечено, и поляне насторожились. Издавна ведется, что князь воплощает бога среди народа; княгиня – это Лада или Макошь на земле, а девы из княжьей семьи – воплощения Лели. То, что нынешняя Леля-Ведица не вышла на девичьи праздники, не встречала русалок и Ярилу, было неправильно. В чем дело? Девушки и женщины приходили выяснять, что с ней, Аскольд велел отвечать, что сестра больна. Народ всполошился: болезнь княжьей сестры в такое время была воспринята как проявление гнева весенних богов. Поутихшая было тревога

вспыхнула снова: уж не сглазил ли ее кто? А кому сглазить княжью сестру, как не деревлянскому оборотню, ее бывшему жениху? Не доставайся, мол, никому... Аскольду не нравились эти разговоры, которые приписывали деревлянам еще одну победу над ним, но сказать правду он не мог, не желая сознаваться, что жена и сестра наказаны им самим, что это он не выпускает их на гулянья и тем ставит под угрозу благополучие всего года. Но и сменить гнев на милость и отпустить сестру водить круги в роще ему мешало упрямство, родившееся вперед него.

– Вот погоди, что еще на Ярилу Сильного будет! – шептала Ведица, сидя рядом с Дивляной, но обращаясь тайком к «братцу любезному».

Уже пришло настоящее лето; было жарко, с яркого синего неба целыми днями лились сплошным потоком солнечные лучи, на лицах людей зимняя бледность сменилась свежим загаром, и Дивляна улыбалась, тайком вспоминая Белотура: при его белой коже он каждую весну заново обгорал и ходил красный, с облупившимся носом. Сама она почти не выходила из дома и сидела, как Огнедева в подземном зимнем плену. Голядка Снегуля, произведенная в няньки маленькой княжны, выводила Предславу погулять на лужок, та возвращалась довольная, пропахшая травами, приносила матери помятые, приувядшие пучки цветов и не могла понять, почему Дивляна и Ведица не хотят пойти с ней. Люди говорили, что жито всходит дружно, десяти дней не пройдет – заколосится. Но постоянная ясная погода и жара исподволь начинали внушать тревогу. Когда жито заколосится, ему понадобится дождь для лучшего роста. И если ясная погода будет продолжаться, урожай окажется под угрозой. Не зря на Ярилу Сильного проводят обряды заклинания дождя. А возглавляет их княгиня...

Уже понимая, к чему дело идет, Дивляна молчала и золовке наказала не заговаривать с князем о том, о чем они шептались между собой. Незачем навлекать на себя его досаду и гнев. Настанет день – и люди без их помощи все объяснят князю. И ему придется признать, что он слишком много на себя берет. Ведица даже причитать перестала, будто смирилась, но обе они знали, что это молчание, отсутствие слез и уговоров действует на князюшку еще сильнее.

Утром на Ярилу Сильного Дивляну разбудил гомон. Множество народу собралось за воротами княжьего двора – впереди девушки и парни в нарядных белых рубахах, покрытых богатой красной вышивкой со знаками Ярилы и Огнедевы-Денницы, подпоясанные жгутами, свитыми из трав и цветов. Головы их уже

были украшены пышными венками, едва обсохшими от росы. За ними теснились женщины в нарядных поневах и завесках, в высоких праздничных кичках, и в красных нарядах и уборах их толпа напоминала поле цветущих маков. Позади всех топтались старики и старухи. Только старейшины родов и весей стояли впереди, возле самых ворот, – с широкими красными поясами, с резными посохами. Среди них были все волхвы и жрецы Киевской волости. Девушки держали один, а женщины – другой венок, заранее приготовленные, самые пышные и высокие.

Девушки пели славу Яриле, а прочие притопывали и прихлопывали. Все пока были трезвы – до пира с его пивом и медовой брагой еще далеко, но всех уже переполняли задор и возбуждение в предвкушении целого дня веселья, игр, плясок, праздника молодой крови и живородящей силы богов, земли и людей. Сегодня было не время для тревог – в велики-дни людская вражда утихает.

Ведица, уже умытая, причесанная и прибранная, в нарядной «ярильской» сорочке, бегала от одного окошка к другому, хотя увидеть толпу за тыном все равно не могла. Дивляна выглянула из-за занавески бабьего кута, и Ведица живо закивала ей. Обе они знали, зачем пришел народ. За ними.

Песню допели, настала тишина – люди ждали, переговариваясь, улыбаясь и переглядываясь. Везде слышались смех и возгласы. Наконец волхвы и старейшины начали вежливо, негромко постукивать посохами в ворота. Среди народа поднялся беспокойный гул. Теперь уже никто не смеялся, все обменивались различными предположениями. Волхвы стали стучать громче, с нетерпением. Дивляна, к тому времени принарядившаяся, прошла в гридницу, где Аскольд сидел с воеводой Хортом и кметями.

– Что-то, княже, ленива нынче челядь – ворот не отворяет, тебе о гостях не докладывает! – сказала она, хмурясь от такого беспорядка. – Ради велика-дня и дело забыли? Горянец! – Она оглянулась и нашла взглядом тиуна, надзиравшего за княжьей челядью. – Что стоишь, будто просватанный? Старейшины пришли, волхвы и жрецы пожаловали – а тебе и дела нет?

– Да говорил я князю, матушка, не изволь гневаться. – Горянец поклонился и метнул виноватый взгляд на князя. – Да не велел он отворять...

– Не велел? – Дивляна перевела взгляд на мужа и высоко подняла брови. – Что так? Что ты, княже, будто в осаде от своих же людей? Народ невесть что подумает.

– А что, много собралось? – Князь оглянулся на воеводу.

– Да порядочно... народу – дождем не смочить![8 - Т. е. очень много.] – ухмыльнулся тот.

От улыбки его обычно хмурое лицо просветлело. Стало видно, что и он когда-то был молодым и до сих пор помнит веселые безумства, которые творил на Ярилины дни, будучи неженатым парнем, заодно с товарищами.

– Да уж, воевода верно говорит... гостисто, – подтвердил и боярин Держава. – Само собой, ведь велик-день... Не пора ли и тебе, княже, трогаться? Сейчас Ярилу с Лелей поведут. Леля-то готова?

– Леля спозаранку готова, – подтвердила Дивляна. – Не пора ли, княже? – вкрадчиво добавила она, склоняя голову с четырьмя заушницами с каждой стороны.

Муж мог сердиться сколько ему угодно, но что он будет делать, если весь народ на ее стороне?

– Ведица не пойдет, – отрезал Аскольд. – И княгиня не пойдет. Опасно им выходить! – пояснил он старейшинам и кметям, в изумлении воззрившимся на него. – Оборотни, вон, на самой Горе рыщут, не могу я сестру, жену и сына нерожденного в такое время из дому выпускать.

Но мстительный взгляд, который он при этом бросил на Дивляну, подтверждал, что вовсе не об их безопасности он заботится.

– Но как же! – боярин Держава от растерянности едва мог вымолвить слово, не в силах сообразить, как объяснять совершенно очевидные вещи. – Ярила же! Леля же! – Он обернулся к Дивляне, словно в поисках поддержки: уж княгиня-то верно знает, как важно их присутствие на празднике!

– В такой день сам Ярила нас защитит! – заверила мужчин Дивляна. – Я не боюсь.

– Нет тебе моего позволения! – с каменным лицом отчеканил Аскольд. – Держава! Выйди к людям, скажи, что княгиня и сестра моя не пойдут. Пусть сами справляются.

– Я? – Названный боярин встал и даже показал недоуменно пальцем в собственную бороду, как будто тут вдруг мог выскочить из-под земли какой-то другой Держава, который и возьмется исполнить это немыслимое поручение. – Не пойдут? Да как же это? Нельзя им не идти! Как же боги на нас посмотрят, если князя на велик-день не выйдут? Только-только засухи проклятые миновали, только мы хорошим всходам порадовались – а тут на тебе! Нельзя так, княже! Дождей Перун не даст, поля высохнут, урожай пропадет, все повымрем! А как мы без Ведиславы будем русалок чествовать, как без княгини дождь заклинать? Не меня же, старого, водой поливать, борода мешает! – Он даже ухмыльнулся от такой нелепости.

– Там хватает женщин.

– Так те бабы – простые бабы, а то княгиня! Ее Перун слышит, ее волю исполняет. Не гневи богов, княже, и людей не серди. Нельзя нам сейчас... и без того деревляне одолевают заботами, а если еще с богами и с народом поспоримся...

– Нельзя таких гостей именитых под воротами держать! – настойчиво напомнила Дивляна. Громкий стук множества рук и посохов в ворота долетал и в гридницу и мешал собеседникам слышать друг друга. – Позови людей сюда, княже, или хоть сам к ним выйди да скажи! Объяви твою волю! А я уж ее исполню! – с некоторой угрозой в голосе пообещала она.

Аскольд поднялся. Не желая впускать в дом толпу, он сам, в сопровождении воеводы и кметей, прошел к воротам. Вынули засов, со скрипом створки поехали наружу, народ отхлынул, готовясь радостно закричать... но крик захлебнулся и сменился разочарованным, удивленным, тревожным гулом, когда вместо нарядных женщин перед киевлянами предстали хмурый князь и его кмети. Дивляна и Ведица тоже вышли, но за спинами мужчин их не было видно.

– Ступайте справлять Ярилин день в надлежащее место, добрые люди! – крикнул Аскольд. – Не под воротами у меня вам круги водить!

– Где жена твоя, княгиня Дивомила? – спросили сразу несколько волхвов, и народ поддержал их криками. – И где сестра, Ведислава Дировна? Почему не идут с нами Ярилу чествовать?

– Или они больны?

– Или какая беда приключилась?

– Здоровы они! – с трудом перекрывая общий гул, отвечал Аскольд. – Но не пущу я жену мою и сестру, боюсь, как бы оборотни деревянские им зла не сделали.

Народ закричал еще громче, и в этих криках было возмущение. В первых рядах волновались «Угоровы девки», все девять, кроме Улыбы, и грозно хмурились на такой непорядок.

– Кто нас от оборотней и всякого зла защитит, если князья наши станут прятаться?

– Если не выйдут они на велик-день, то и оборотни, и навьи, и всякие болести лихие нас со свету сживут!

– А мы не боимся разве? Или нас оборотни не порвут? А ведь идем, потому как нельзя богов не почтить в такой день!

– Ярила защитит!

– Боги укроют!

– Княгиню сам Перун защищает, к ней никакое навье не подойдет!

– Ой, пропало наше жито! – завопили среди женщин, будто вдруг обнаружился покойник. – Ой, не видать нам хлеба по осени! Засушит засухой, повыбьет громами жито, пожжет молнией!

– Огневаются боги! Не дадут дождя!

– Голодать будем!

– Все пропадем!

Выкрики быстро нарастали и вскоре слились в сплошной вопль; толпа колебалась, постепенно, шаг за шагом придвигаясь ближе к воротам, и вдруг, будто лопнула какая-то преграда, подалась вперед и потекла внутрь, как река в половодье, вышедшая из берегов. Кмети пытались не допустить людей, сомкнули плечи, но, не готовясь сражаться с собственным городом, не имели при себе ни щитов, ни оружия. Их смели, толпа хлынула во двор.

Дивляна и Ведица стояли возле порога княжьей избы. Обе нарядные, одна в белом, как береза, другая в красном, точно пламя, сияющие богатой вышивкой и серебром уборов, они были будто две плененные в зимних тучах богини – Леля и Лада. Увидев их, народ ликующе завопил, кинулся к ним; толпа мгновенно обтекла их, окружила, стиснула, завертела, будто два цветка в речном водовороте.

– Да бережнее вы! Зашибете княгиню! – визжала во весь голос Ведица, стараясь загородить Дивляну от напора толпы.

Перунов волхв Обрад, молодой и здоровый мужик из семьи кузнецов, быстро сообразил, чем все это грозит. Находясь в первых рядах толпы, он и во двор попал одним из первых, и теперь очутился ближе всех к Дивляне. Невежливо схватив княгиню за плечи, он передвинул ее к стене, а сам оперся обеими руками в эту же стену, образовав своей крепкой и широкой спиной живой заслон. Иначе только боги ведают, что стало бы с будущей матерью княжьего наследника среди этой давки. И то, что все здесь видели в ней живую богиню и рвались к Дивляне из восторженной почтительности, мало помогло бы делу.

К счастью, Обрад сдержал первый напор толпы, а там волхвы и старейшины при помощи княжьих кметей навели порядок.

– Пойди с нами, княгиня-матушка, Лада наша, Огнедева! – на разные голоса вопила толпа. – И ты, Дировна, зорька наша ясная, Лелюшка наша, березка белая! Не оставьте нас, не дайте пропасть малым детушкам, старым родителям!

– Я пойду с вами, дети мои! – кричала в ответ Дивляна, прикрывая рукой живот. – Боги нас защитят от всякого лиха! Я пойду, и Дировна пойдет, если... если только муж мой, князь ваш, позволит!

Толпа шумела. Старший Перунов волхв Судимер оглянулся на князя – и тот нехотя кивнул. Что ему оставалось делать? Не драться же с собственным народом из-за двух баб!

– Князь позволяет! – ликующе крикнул волхв, вскинул к небу руки с резным посохом, и множество бубенчиков и прочих железных оберегов на его одежде зазвенели, будто сам Перунов гром.

Толпа ответила дружным обрадованным воплем. Аскольд от этого вопля невольно содрогнулся. Он был упрям и неуступчив, но не мог спорить с целым городом. Слишком очевидно было, что эта толпа сметет его, как былинку, если он и дальше будет противиться ее воле. Он не мог открыто отказаться почитать богов, не мог не дать толпе то, чего она хотела. Если его не разорвут за это святотатство сейчас, то потом, когда дожди не пройдут и поля начнут сохнуть, разорвут над жертвенным камнем, чтобы княжеской горячей кровью напоить свою жаждущую землю. Глядя на эту толпу, он хорошо понимал, как выглядит «легион бесов», о котором слышал от ученого грека, монаха Евлампия. И пусть жена на словах признавала его волю, он знал, что на самом деле она предводительствовала в этой толпе. Ради нее они бесновались, ее они хотели... И получили. Она была виновата в том, что киевляне почти открыто проявили непокорство своему князю. И так будет до тех пор, пока их душами владеют бесы, а он вынужден считать своей женой их главную служительницу...

Толпа утекла со своей добычей за ворота, княжий двор опустел, только валялись в пыли растоптанные обрывки цветов, листья, стебли травы. Аскольд оглянулся: Держава, даже воевода Хорт исчезли вместе со всеми. Нет, не будет в этой земле истинного почтения к князю, пока народ не научится почитать своего единственного Бога в его лице...

Это небольшое столкновение не нарушило, а только усилило радостный настрой киевлян. У всех было победное чувство, что они сами разбили крепость черных туч и вызволили Огнедеву, чтобы она сияла, даря свет, тепло и радость. С песнями и веселыми криками толпа двигалась сначала вниз с Горы, потом по берегу, становясь все больше и больше, – в нее вливались все новые ручейки,

от каждого двора, от каждой мазаной землянки бежал стар и млад, боясь опоздать. И если у кого по бедности не было новой вышитой рубахи, то венки и пояса из цветов и трав возмещали недостаток нарядов. Ведицу посадили на белого коня, а Дивляна и Судимер вели его под уздцы с двух сторон. Дивляна веселилась вместе со всеми, поистине чувствуя себя богиней Ладой, которая с Перуном выводит в белый свет свою дочь – Лелю, и лишь раз тайком вздохнула, вспоминая, как в прошлом году вместе с ней Лелиного коня вел Белотур. Ей вспоминалась ее юность, проведенная в Ладоге, Ярилины дни и Купальские праздники, когда на таком же белом коне выезжала со двора ее старшая сестра Яромила, Дева Альдога, Леля ладожской земли. И в последний раз, когда Дивляна справляла Купалу дома, с ней рядом был Вольга. Именно в купальскую ночь случилось то, что, как она тогда думала, навек связало их, сделало единым целым, мужем и женой... И если бы богам поглянулось, то от него, от Вольги, она теперь ждала бы уже второго ребенка и он шел бы с ней сейчас рядом, а весь мир стал бы ярче, светлее и радостнее в десять раз! Дивляна тайком смахнула слезу со щеки. Нечего теперь плакать. Все-таки судьба подарила им настоящее счастье, пусть и недолгое, и память о нем будет освещать и согревать ее всю жизнь. Велики-дни Лады и Ярилы для того и даны богами, чтобы каждому подарить хоть кусочек счастья и дать сил выносить свои невзгоды.

У реки шествие уже ждал, сидя верхом, сам Ярила, выбранный из киевских парней – единственный сын Угора, по имени Удал, – с пышным венком на голове, закрывающим лицо, так что он не видел даже дороги, и его коня вели под уздцы два товарища. Вместо рубахи он был одет в целый сноп из трав и цветов, а в руках держал большую золотую чашу – ярко начищенная к празднику, она ослепительно сияла, аж глазам было больно, и оттого казалось, будто Ярила держит в руках само солнце. Дивляна знала эту чашу – Елинь Святославна рассказывала, что еще во времена ее деда, старого князя Святонега Вячеславича, эту чашу однажды нашли в земле, в том месте, где ударила молния и где сам Перун, явившись князю во сне, повелел искать ее. Она действительно была золотой, украшенной дивными узорами в виде бегущих оленей с ветвистыми рогами, совершенно не похожей на те, что делали киевские златокузнецы. Ее хранили в святилище Перуна, доставая лишь несколько раз в году: на солоноворот, на Ладин велик-день, на Ярилин день, на Купалу и на Перунов день. А впервые Дивляна увидела ее на своей свадьбе: когда очередной киевский князь женится, жрецы дают ему с молодой женой трижды испить из священной чаши. И никто, кроме князей, волхвов и тех, кто на велики-дни представляет богов, к ней не смеет прикасаться.

Ярила стоял на самом берегу, так что копыта его солового, золотистой масти коня находились в воде, и оттого казалось, что из воды он и вышел, – с Той Стороны, где живут боги и откуда являются на велики-дни к людям. Толпа встретила его новым всплеском радостных криков. Дивляна и Судимер подвели к нему коня Ведицы; Удал, склонившись к ней, поцеловал свою «невесту» – насколько позволили пышные венки, закрывавшие лица почти целиком, – и дальше Ярила и Леля тронулись вместе, держась за руки.

Им предстояло обойти несколько ближних полей, которые сегодня воплощали все нивы полянского племени. Ходили не очень долго, но Дивляна все-таки устала. Ломило спину, от ходьбы отекали ноги, от тяжелого венка, из-под которого она плохо видела, кружилась и побаливала голова. Но не идти было нельзя, и княгиня продолжала улыбаться, ступать ровно, чтобы никто не заметил, что она не столько ведет Лелиного коня, сколько цепляется за повод. Хотелось посидеть хоть немного, но нечего и надеяться – не отдохнуть ей, пока домой не вернется. Солнце ярко сияло, было жарко, и Дивляна не раз утирала лоб под краем убруса. Стебли и цветы венка, падая на лицо, раздражали вспотевшую кожу.

– Потерпи, матушка, недолго уж осталось, – бормотала ей Годослава, жена одного из старейшины, крепкая женщина лет тридцати, мать восьмерых детей. Она шла рядом с Дивляной и поддерживала ее, чтобы княгиня не шаталась во время обряда. – Сейчас у воды еще Живу споем, и ступай домой. Я тебя отведу.

Наконец впереди снова показалась река. Вид блестящей на солнце широкой глади Днепра, яркой зелени по берегам, синевы неба, отражающейся в воде, доставил Дивляне ни с чем не сравнимое удовольствие. Все существо ее взывало: воды! – точно так же, как сама земля в сухие жаркие дни.

Она оставила повод Лелиного коня и вышла вперед. Унерада Угоровна и Гусяна, молодые знатные женщины и жрицы Лады, предусмотрительно поддерживали ее под руки. Остальные женщины встали в круг.

– Ай же ты еси, Мать Сыра-земля! – начала Гусяна, разводя руки, обращаясь разом и к самой земле, и к стоявшей перед ней Дивляне. – Всех ты нас породила, вспоила-вскормила, угодьем да силушкой наделила от щедрот твоих. На том тебе кланяемся!

Она первой поклонилась, почти коснувшись земли верхом своей нарядной кички, и все поклонились вслед за ней, приговаривая: «Кланяемся, кланяемся!»

– Ты прости нас, Мать Сыра-Земля, в чем повинны мы, в чем досадили тебе!

Годослава тем временем поднесла Дивляне на вышитом рушнике чашу с молоком и подала отпить. Потом две женщины снова взяли княгиню под руки и повели в воду. Встав на глубине примерно по пояс, они принялись с двух сторон обливать ее водой из широких глиняных чар, громко приговаривая сквозь плеск:

– Ай же ты еси, Мать Сыра-Земля, земля родная...

Народ кричал, вразнобой повторяя слова заклятья. Дивляна стояла в воде, подняв руки, словно взывая к небу о дожде; потоки воды стекали по ее кичке, по лицу, по груди, она уже была вся насквозь мокрая. После жары и усталости прохлада свежей речной воды доставляла ей истинное наслаждение; так и сама земля блаженствует, упиваясь водяными струями, которые питают ее и дают силу растить хлеб, всякий злак и овощ. В этом году обстоятельства считались особенно удачными: срок ожидаемых родин княгини почти совпадал с жатвой, дитя зрело в ней, как колосья на земле, и оттого ее священная связь с общей матерью и кормилицей всего человеческого рода была еще прочнее и очевиднее.

Народ повалил в воду: сперва женщины, потом девки, парни, мужики – все устремились в Днепр, не боясь намочить расшитые нарядные сорочки. Теснясь вокруг Дивляны, забравшись кто по колено, а кто по грудь, все дружно били руками по воде, черпали горстями и бросали в нее. Стоял оглушительный плеск, смешанный с криками, смехом и визгом: каждый стремился принять участие в заклинании дождя для беременной земли, самом важном обряде лета, обеспечивающем урожай, жизнь, продление рода. Дивляна, чуть не захлебываясь под этими непрерывно льющимися на голову потоками, не выдержала и закрыла лицо руками. Венок слетел с ее головы и канул во взбаламученные волны – не то утонул, не то уплыл. От движения целой толпы поднялась волна, едва не сбившая ее с ног; одной рукой она вцепилась в рослую Годославу, но и вдвоем они с трудом удерживались на ногах. Дивляна стояла не очень глубоко, однако взбурлившие волны перекатывались через ее плечи и плескали в лицо, так что она еле-еле нащупывала дно под ногами. Она уже начала мерзнуть, но выйти на берег не было никакой возможности: между ней

и полосой песка волновалась возбужденная, кричащая толпа. Теперь уже все обливали друг друга: сначала мужики и парни стали плескаться на женщин и девок, в каждой из которых тоже живет дух богини, потом женщины стали в ответ плескаться на них; завязалась возня, борьба, кто-то падал, молотил руками по воде, орал во все горло, хватался за близстоящих и тянул их за собой...

Прикрыв одной рукой живот, а второй ухватившись за Годославу, Дивляна стала понемногу пробираться к берегу. Сама она могла бы еще потерпеть, но очень боялась за ребенка. Унерада и ее сестра Убава шли впереди, стараясь расчистить ей путь, и наконец все четыре оказались на песке. Вода лила ручьями с многослойной одежды, и Дивляне собственная сряда показалась тяжелой, будто железная. Намокшая завеска прилипла к животу, четко обрисовывая то, что следовало скрывать. Княгиню не держали ноги, и она обеими руками цеплялась за женщин, бормоча:

- Ой, матушки мои... помогите... не устою...

К тому же в мокрой одежде она мерзла все сильнее: зубы начали стучать.

- Идем, матушка! - Годослава приобняла ее и поддержала. - Вот и справились!

Они пошли по тропе к Горе, но Дивляна едва брела. Женщины кое-как отжали ее подолы, чтобы ей не нести на себе эту тяжесть воды, но легче не стало. Наконец Убава окликнула кого-то. Дивляна стояла, держась за Годославу, стараясь отдышаться.

- Посидеть бы... передохнуть... - бормотала она.

Нагретая солнцем трава на пригорке манила ее, как самые пышные перины. Казалось, только дайте ей упасть и закрыть глаза - никакого иного счастья и не надо.

- Нельзя тебе тут отдыхать, застудишься и дитя застудишь! - ответила Гусяна. - Сохрани Жива! Если с тобой что случится, народ-то что подумает! И жита не дождемся!

Тут наконец прибежал Званец и привел с собой Обрада. Жрец тоже был мокрый, но рубаху уже успел отжать и снова натянуть. Без лишних слов он бережно поднял княгиню на руки и пошел по тропе. Она несла на себе всю землю полян с ее будущим урожаем, и они, ее племя, должны были иной раз помочь и поддержать ее. Ведь она, при всем ее высоком божественном предназначении, была всего лишь слабой смертной женщиной.

На Горе, в воротах княжьего двора, их встретила Елинь Святославна. Она уже извелась от беспокойства, не зная, как княгиня на седьмом месяце беременности перенесет утомительные обряды сегодняшнего дня. Она показала Обраду, куда ее отнести и где положить. С княгини сняли мокрую одежду, одели в сухое, уложили на постель... Но к тому времени Дивляна уже провалилась в глубокий вязкий сон.

Снилось ей что-то страшное, неприятное. Едва закрыв глаза, она ощутила, как неведомая сила, будто выдернув с места, бросила ее в окошко: и вот она летит стрелой, видя под собой зеленый простор лесов и лугов, залитый ослепительно-золотым солнечным светом, выше – ярко-синее небо, впереди – белые облака. Она даже еще не заснула и ясно ощущала, что тело ее лежит в избе, что вокруг хлопочут женщины, – а дух неудержимо уносится вдаль. Упасть она ничуть не боялась, ее лишь немного пугала огромная скорость стремительного полета – казалось, вот-вот она с разгону пробьет сам небокрай и вырвется куда-то в черные бездны...

Вокруг быстро темнело, будто она мчалась в сторону ночи. Почернел лес внизу, вершины темных деревьев казались живыми, а между ними мелькали огоньки – то бледно-желтые, то голубоватые. И Дивляна знала, что под ней – дремучий лес Той Стороны. Все в ней противилось погружению в него, но неведомая сила продолжала нести, и ей оставалось только повиноваться – она была слишком слаба и неопытна, чтобы, очутившись в Навьем мире, действовать по своему разумению. Она находилась в полной власти того, кто ее сюда принес.

И этот кто-то был рядом. Она его не видела, но ощущала чье-то присутствие, какая-то сила поддерживала ее. Она хотела оглядеться, но не могла повернуть головы – да и была ли у нее там голова? – и удавалось увидеть лишь то, что находилось прямо перед глазами.

Внизу, посреди леса, открылась поляна, освещенная костром. Дивляна и ее невидимый вожатый снизились.

– Смотри! – раздался хорошо знакомый и памятный с детства голос. – Смотри, кто здесь.

Не в силах повернуть голову к говорившему, Дивляна посмотрела вниз. На поляне возле костра виднелась человеческая фигура – это была женщина с распущенными темными волосами. Еще не узнав ее, Дивляна как будто почувствовала удар – сама эта темная фигура дышала враждебностью, напоминала о чем-то таком нехорошем и страшном, что она предпочла бы навсегда забыть... Они спустились еще ниже, и ей стало видно лицо женщины. Да, она знала это лицо с широкими черными бровями, эти волосы, в гуще которых виднелось множество тонких косичек с подвешенными костяными оберегами, – и видела его в самые страшные и опасные мгновения своей жизни. Судя по всему, сейчас наступало еще одно такое же.

Женщина, похожая на саму Марену, стояла посреди круга черной выжженной земли, и Дивляна легко догадалась, что это такое. Маренин круг, в разных землях называемый по-разному, но созданный для одной и той же цели. Это место, где сжигают тела умерших, чтобы потом собрать прах и перенести на родовой жальник, место, где живое уходит во власть Коштной Хозяйки. И сама Мать Мертвых, будто живой идол, стояла ровно посередине, в заклиняющем жесте опустив руки к черной земле. Она будто выросла из черной земли круга, собрала в себе всю его мертвящую силу.

– Пойду я по черной дороженьке, среди леса дремучего, встану я в черный Марин круг, поклонюсь на все четыре стороны, призову к себе сорок синцов и сорок игрецов! – провозглашала она, и ее низкий голос отдавался от каждого дерева в черном лесу. – Соберу я пепел черный, прах горючий, от пламени палючего! Вы, слуги мои верные, сорок синцов и сорок игрецов! Посылаю вас к дому Аскольда, сына Дирова, в полянскую землю, в Киев-город! Залетайте вы в двери, в окна и в щелочки, несите ему слово мое сильное, слово мое злое, губительное! Отнимите у него силу, удачу и мощь, чтобы был он слаб и безгласен, как мертвец! И как мертвое тело лежит, не встанет, не шелохнется, так и Аскольд, сын Диров, князь полянский, так же был бы немощен и бессилён, от слова моего злого беззащитен!

Какие-то неразличимые темные тени вихрем вились вокруг нее; она собирала у себя из-под ног черный прах от множества погребальных костров и горстями бросала его в воздух. Темные тени подхватывали крупинки праха и мигом уносили; слышались вопли, визг, жесткий шелест невидимых крыльев, рычание, дикие крики, от которых хотелось сжаться и уйти как можно дальше. Дивляна помнила, что уже слышала подобное: в тот раз ей в руки попал посох старой ведуньи, где жили прирученные старухой игрецы, которые после смерти хозяйки остались не у дел и могли причинить множество зла... У этой черной женщины тоже имелись свои духи-помощники. И их насчитывалось во много раз больше, чем обитало когда-то в старухиной клюке, и сила их была во много раз больше.

– Как приговорено, так и будет! – раздавался голос Марены, но ее саму уже не было видно среди сгустившейся темени. – Тебе печаль-тоска, как сухая доска, мрак и чернота, вечная кутерьма...

Голос отдалялся, постепенно таял в темноте внизу... А потом Дивляна очнулась, будто рывком; кто-то был рядом, кто-то прикасался к ней, что-то с ней делал... Еще полная ужаса от увиденного, она дернулась, попыталась сесть, прижала руки к груди, чтобы защититься... И увидела перед собой Елинь Святославну, держащую одеяло. Дивляна лежала на собственной постели, а Снегуля, уже сняв с княгини черевьи и промокшие насквозь онучи, обтирала ей ноги.

– Ох! – Дивляна смотрела на обеих женщин, едва веря глазам. Княгиня даже не понимала, когда успела заснуть; ей казалось, что она путешествовала по Нави очень долго, а очнулась она чуть ли не раньше, чем заснула, точно во сне ее переместило по времени назад. Поэтому молодая женщина не была уверена, на каком свете находится, сомневалась, что очнулась по-настоящему. – Что... долго я спала?

– По дороге тебя сморило, пока Обрад нес сюда. – Воеводша сочувственно кивнула. – Все, голубка, отвоевалась ты на сегодня, пусть народ гуляет, а твое дело кончено. Теперь спи-отдыхай. Не мерзнешь уже? Может, теплого выпьешь?

Но Дивляна покачала головой, улеглась поудобнее и натянула до носа одеяло, которым ее накрыла старуха. Мир вернулся в привычные пределы. Выходит, ей удалось заглянуть в Навий мир, одновременно не упуская из виду и Явь; волхвы умеют это делать, а она, хоть и не была волхвой, все же немало их имела среди недавних предков. Она еще была полна своим видением, но рассказывать о нем не хотелось – будто что-то замыкало ей уста. А услышав голос Елини,

Дивляна вдруг сообразила, чей голос, предлагавший ей смотреть, слышала во сне. Это был голос ее умершей бабки, знаменитой волхвы Радогневы Любшанки.

Глава 4

Княгиня из дому больше не выходила, но празднование продолжалось до глубокой ночи. Девушки под предводительством Ведицы-Лели ходили в рощу завивать венки на березах, пели песни, принимали в круг невест повзрослевших за год девочек-подростков. Потом вышли на берег, бросали венки в воду, и звонкое пение долетало до вершин киевских гор:

Пойду я лужком,

Пойду бережком.

Сломлю я, сломлю я

С сыра дуба веточку,

Кину ли я, брошу ли я

В Дунай-реку быстрюю...

Песня еще хранила память о том, как многие славянские роды и малые племена несколько веков назад пришли на эту землю с Дунай-реки, и старухи и даже молодухи, слушая ее, вздыхали, вспоминая свою ушедшую юность, когда и они вот так же бросали в воду венки, мечтая о будущем счастье. Что-то сбылось, что-то нет, но самого главного, той свободы мечтать, того открытого, не решенного еще будущего уже не вернешь...

Ближе к вечеру вышел сам князь: ему принадлежала честь заколоть барана в жертву Яриле. Аскольд хорошо понимал: откажись он выполнять важнейшие обязанности верховного жреца, и в князьях задержится недолго. Отец его, морской конунг Ульв по прозвищу Зверь, сделавшись князем полян, старательно выполнял все нужные обряды – правда, они мало отличались от тех свейских обрядов и обычаев, среди которых он вырос. «Боги в разных землях разные, и только сила и удача человека остаются с ним, куда бы он ни попал! – внушал

Ульв своим сыновьям. – Полагайтесь на свою силу, растите свою удачу, и тогда боги пойдут туда, куда вы их позовете!» Аскольд, став тайным поклонником Христа, несколько переиначивал отцовские наставления. Главное – это душа и верность истинному Богу. А обряды – это лишь суета. Бог простит ему, что он помогал готовить барана для угощения стариков, если сам он вовсе не считает это даром бесу. Держа в руках поднесенный ему кусок мяса на кости, Аскольд иногда поднимал его ко рту, но тут же заговаривал с кем-то или отпивал из кубка, снова и снова «забывая» откусить. Он не разделяет жертвенных трапез с язычниками. И Бог его простит, ведь он совсем один среди них.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

От древнескандинавского слова «dyr» – «зверь», возможно, прозвища, которое могло быть славянами воспринято как имя.

2

Сорок или сорочок – единица счета мехов, то есть сорок шкурок, своеобразная денежная единица. Известно также «полсорочка».

3

Рупина – старинное название реки Ирпень.

4

Нарочитые люди (мужи или жены) – то же, что лучшие люди, племенная знать.

5

Эта история рассказывается во второй книге цикла – «Огнедева: Аскольдова невеста».

6

Праздник в честь окончания сбора урожая, примерно около 8–9 сентября.

7

То есть кукол.

8

Т. е. очень много.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/elizaveta-dvoreckaya/most-nad-ognennoy-rekoj>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)